

Морская летопись

МЯТЕЖ

БРОНЕНОСЦА

«КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-

ТАВРИЧЕСКИЙ

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

В.В. Шигин

Владимир Виленович Шигин
**Мятеж броненосца «Князь Потемкин-
Таврический». Правда и вымысел**
Серия «Морская летопись»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104491

В. В. Шигин. Мятеж броненосца "Князь Потемкин-Таврический". Правда и вымысел: ООО

«Издательство «Вече»; Москва; 2015

ISBN 978-5-4444-1493-4

Аннотация

Долгое время восстание на эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» было окутано легендами. О восстании писали многие, а Сергей Эйзенштейн снял художественный фильм, ставший не только классикой мирового кинематографа, но и гимном всем революциям мира. А потому совсем не случайно, что и само восстание на броненосце «Потемкин», с момента которого уже минуло сто лет, мы вольно или невольно воспринимаем именно через знаменитый фильм.

Новая книга В. В. Шигина правдиво рассказывает историю броненосца и восстания его экипажа. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

Содержание

Глава первая. Классическая версия восстания	5
Глава вторая. «Потемкин» и его команда	9
Глава третья. Мятеж: как это было в действительности	19
Глава четвертая. За что убивали офицеров	33
Глава пятая. Миф о червивом мясе	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Шигин

Мятеж броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Правда и вымысел

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*День прошел.
На заре,
Облачась в дымовую завесу,
Крикнул в рупор матросам матрос:
– выбирай якоря!
Голос в облаке смолк.
Броненосец пошел на Одессу,
По суровому кряжу
Оранжевым крапом
Горя.*

Б. Пастернак

Кто из нас не слышал о восстании на эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический»! Кто не помнит знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна, ставший не только классикой мирового кинематографа, но и гимном всем революциям мира. А потому совсем не случайно, что и само восстание на броненосце «Потемкин», с момента которого уже минуло сто лет, мы вольно или невольно, но воспринимаем именно через знаменитый фильм.

Однако зададимся вопросом: почему, когда и у кого вообще возникла потребность в создании именно этого фильма, ведь в распоряжении режиссера и сценариста имелось немало других героических сюжетов из недавнего революционного прошлого России? Почему же воспеты в фильме были именно события не социалистической 1917-го, а буржуазной 1905 года революции? Почему не «Аврора», а «Потемкин»? На этот, казалось бы, на первый взгляд совершенно неважный вопрос мы и попытаемся ответить, ибо именно в нем кроются многие тайны трагических событий лета 1905 года.

Вне всяких сомнений, что утверждавший романтическую версию одного из самых кровавых восстаний отечественного флота фильм был сделан столь талантливо и убедительно, что нашел путь к сердцам миллионов зрителей. Однако попробуем разобраться в том, насколько правдиво отражает знаменитая кинолента настоящий ход событий на «Потемкине». Да и все ли мы знаем о том, что в действительности предшествовало восстанию на броненосце и как оно проходило на самом деле?

Глава первая. Классическая версия восстания

История восстания на эскадренном броненосце «Потемкин» в «классическом» изложении многочисленных книг, публикаций и учебников в общих чертах выглядит следующим образом. На броненосце Черноморского флота «Потемкин» к середине 1905 года сложились невыносимые условия службы. Командование корабля постоянно и вполне осознанно измывалось над своими матросами. Особенно тяжело пришлось матросам во время учебного плавания к Тендровской косе.

После завтрака, когда началась приборка, матросы якобы почувствовали запах испорченного мяса. Потом матрос Григорий Кульков увидел подвешенное мясо, кишашее червями. Позвал товарищей, началось волнение. Вахтенный начальник прапорщик Ливенцов, выслушав матросов, доложил командиру корабля капитану 1-го ранга Голикову. Командир корабля и старший врач Смирнов пришли на спардек. Доктор, разрезав кусочек мяса, заявил, что мясо хорошее, а ползают по нему не черви, а личинки, которых достаточно промыть морской водой.

Чашу терпения голодной и замордованной команды переполнила весть о том, что их будут кормить на обед борщом из червивого мяса. Матросы отказываются от некачественного борща. Взбешенный командир строит команду на палубе и приказывает всем есть борщ! Чтобы не доводить дела до крайнего обострения, наиболее сознательные матросы-большевики во главе с Григорием Вакуленчуком выходят из строя и говорят, что согласны есть борщ. Они считают, что время восстания на броненосце еще не пришло и его надо устроить на всем флоте одновременно, причем несколько позднее. За матросами-большевиками соглашались есть борщ и все остальные. Инцидент, кажется, исчерпан, но командир корабля внезапно для всех решает жестоко покарать не желавших обедать матросов. Он приказывает отделить часть команды для публичного массового расстрела здесь же на палубе. Матрос Вакуленчук пытается предотвратить расправу, но разъяренный старший офицер смертельно ранит матроса из револьвера.

Убийство Вакуленчука служит сигналом к восстанию. Самый близкий друг и соратник Вакуленчука матрос Афанасий Матюшенко тут же из винтовки убивает старшего офицера, после чего матросы убивают особо ненавистных офицеров, поднимают красный флаг, избирают матросский комитет для руководства кораблем и спешат в Одессу на помощь восставшим рабочим. Там они организуют похороны Вакуленчука, стреляют из орудий по правительственным войскам, а потом выходят из порта навстречу правительственной эскадре и в молчаливом поединке заставляют царских адмиралов признать свое поражение. Однако офицеры не дают остальным кораблям примкнуть к восстанию. К восставшему броненосцу присоединяется броненосец «Георгий Победоносец», но предатели революции быстро выводят его из строя, и «Потемкин» снова остается один.

В течение недели «Потемкин» бороздит Черное море, сея страх в душах власть предержащих. Он еще раз наводит ужас на царскую власть в Феодосии, а затем, когда кончается уголь, уходит в Румынию. Там потемкинцы сходят на берег и пополняют собой ряды революционеров-эмигрантов.

Значение восстания на «Потемкине» высоко оценил в ряде своих работ В. И. Ленин, как первое восстание против царского режима целой воинской части в полном составе. Именно В. И. Ленин и дал характеристику мятежному «Потемкину», как «непобежденной территории революции».

С большими-меньшими подробностями, но именно такая «классическая» версия восстания на знаменитом броненосце кочует уже больше века из одного научного труда в другой. На ее же основе пишутся учебники истории и популярные книжки.

Удивительно, но, несмотря на изобилие всевозможной литературы о «Потемкине», что-либо конкретное и документально подтвержденное о событиях на броненосце известно крайне мало. И это совсем не случайно! Начать надо хотя бы с того, что в архиве ВМФ следственные материалы о восстании на «Потемкине» почему-то отсутствуют. Там в изобилии имеются документы по восстанию на крейсере «Очаков», о восстании в Свеаборге и Кронштадте, а о «Потемкине» практически ничего нет. Почему? Этому не знает никто. Когда и кто изъял «потемкинские» документы, неизвестно. Где они находятся ныне, тоже непонятно. Судя по всему, сделано это было уже давно, так как никто из историков никогда материалами расследования «потемкинского дела» не пользовался. Почему? Может, потому, что там имеется много такого, что в корне расходится с навязываемой нам официальной версией?

Именно поэтому практически единственным источником информации о восстании на броненосце «Потемкин» всегда традиционно были воспоминания участников тех достопамятных событий. Их печатали, их цитировали, на них ссылались. Удивительно, но чем больше проходило времени со времени восстания, тем все больше и больше воспоминания, а затем и научные работы (на эти воспоминания ссылающиеся) становились как две капли воды похожими на сценарий кинофильма о «Потемкине». А потому, начиная разговор о восстании на броненосце «Потемкин», лучше всего обратиться к воспоминаниям, которые отделило от восстания совсем немного времени.

В 1925 году, к 20-летию революционных событий на Черноморском флоте, Всесоюзным обществом политических каторжан и ссыльнопоселенцев была издана книга воспоминаний участников тех достопамятных событий, озаглавленная: «Революционное движение в Черноморском флоте в 1905 году. Сборник воспоминаний и материалов». Эта небольшая по объему книжица интересна сразу по нескольким причинам. Во-первых, воспоминания написаны до периода сталинской диктатуры, в период еще так называемых партийных свобод, а потому она полностью свободна от цензуры последующих лет. Во-вторых, перед нами воспоминания непосредственных участников восстания, написанные еще по относительно свежим следам революционных событий до выхода на широкий экран знаменитого кинофильма, а следовательно, свободные от версии Эйзенштейна.

* * *

В 1977 году я поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище. Где-то на втором курсе у нас объявили, что группа ротной художественной самодеятельности должна ехать в Киевский дом престарелых ветеранов партии, чтобы поздравить со столетним юбилеем последнего потемкинца, матроса Шестидесятого. Мне очень хотелось увидеть и услышать живого потемкинца, а потому я тоже напросился в эту поездку.

Столетний ветеран к этому времени уже почти не вставал с кровати и пользовался слуховым аппаратом, однако сохранил известную трезвость ума. Когда наши ребята подавили ему традиционную флотскую тельняшку, спели пару революционных песен и сплясали «яблочко» прямо в палате, растроганный старик начал нам рассказывать о восстании на «Потемкине». Однако чем больше я его слушал, тем больше мне казалось, что ветеран просто пересказывает нам содержание хорошо известного фильма С. Эйзенштейна. Когда же Шестидесятый начал рассказывать о том, что собственными глазами видел, как на Потемкинской лестнице каратели расстреливали демонстрацию и вниз по ступням внезапно покатилась детская коляска с ребенком (а это, как известно, был эпизод, придуманный самим Эйзенштейном, о чем уже тогда много писалось), все стало окончательно понятно. Разумеется, винить старика в том, что знаменитый кинофильм давным-давно перемешался для него с реальными событиями, нельзя. Сила искусства и преклонный возраст сделали здесь свое

дело. Так началось мое знакомство с темой знаменитого восстания. Затем были книги о восстании на броненосце «Потемкин», но чем больше я их читал, тем больше понимал, что в реальности то, о чем писали «историки», происходить просто не могло.

Вот лишь один пример. Классикой потемкинской темы вот уже более полвека считается книга И. Пономарева «Герои “Потемкина”» (М.: Воениздат, 1956), переиздававшаяся множество раз. В ней автор не просто изложил свое личное видение событий на мятежном броненосце, но создал поистине фантастическое произведение, не имеющее ничего общего с реалиями. Чего стоят только выдуманные им диалоги, в которых «отважные революционеры» разговаривают исключительно плакатными лозунгами. И. Пономарев пишет: «Как только раздался призыв Матюшенко, Вакуленчук понял, что теперь ничего не остановит матросов. Он тоже выхватил у кого-то из караула ружье и, высоко подняв его, громко крикнул: “Да здравствует революция! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!” “Смерть драконам!” – дружно подхватили матросы!.. Вакуленчук решительно направился к командиру: “От имени народа вы арестованы!” – заявил он Голикову. Это видел Гиляровский. По поведению матросов и по действиям самого Вакуленчука он понял, что Вакуленчук и есть тот самый вожак команды, которого они с командиром искали. Старший офицер прицелился и выстрелил. Григорий упал на палубу, смертельно раненный. Падая, он крикнул подбежавшим матросам: “В Одессу! К рабочим!” Многие из матросов слышали этот призыв любимого товарища. Выстрел в Вакуленчука на какой-то миг вызвал среди матросов замешательство. На это и рассчитывал Гиляровский... “Гиляровского за борт!” – крикнул кто-то. Матросы устремились туда, откуда раздался выстрел. Но Гиляровского за башней не оказалось. Он скрылся. На палубу с винтовкой в руках (но без патронов) выбежал Матюшенко. Голиков вместе с артиллерийским офицером Неупокоевым преградили ему путь. “Брось винтовку!” “Никогда, пока я жив!” “Брось оружие, приказываю!” “Убирайся вон, броненосец теперь наш!” Сказав это, Матюшенко швырнул в Голикова штык, а затем изо всех сил замахнулся на командира прикладом, но тот сумел увернуться. Удар пришелся по палубе и был настолько силен, что приклад винтовки переломился. Перед Матюшенко вдруг появилась фигура отца Пармена и на какое-то время отвлекла его, да и других матросов от Голикова. “Мир с тобой, сын мой!” – осеняя Матюшенко крестом, бормотал испуганный поп. “Отстань от меня, пьяница!” – оборвал его Афанасий. Тем временем Голиков исчез. На палубу принесли патроны. Матюшенко взял другое ружье и прицелился в артиллеристского офицера Неупокоева, бегавшего по юту и кричавшего: “Всех под суд!” Выстрел оказался точным. Труп Неупокоева матросы выбросили в море. Некоторые из офицеров, боясь возмездия, попрятались в море и поплыли к миноносцу. Матросы открыли по ним огонь. Другие попрятались в каютах, в машинном отделении. Наконец-то был обнаружен прятавшийся от справедливого возмездия Гиляровский. Вторым выстрелом Матюшенко ранил его. Подоспевшие матросы подняли старшего офицера на штыки и тоже выбросили в море. В этот момент на палубу вышел лейтенант Вильгельм Тон и сделал знак рукой: дескать, внимание, буду говорить. На секунду водворилась тишина. “Хочу тебе поведать...” – Тон направился к Матюшенко и неожиданно дважды выстрелил в него из револьвера. Пули не задели Матюшенко. Афанасий быстро прикончил Тона. “Где тиран? Куда делся Голиков?” Перетрусивший Голиков заперся в своей каюте и пытался выброситься в море через иллюминатор. Чтоб его не узнали по мундиру, разделся. Матросы взломали дверь каюты. “На палубу!” – раздался голоса. Бывшего командира поволокли наверх. На палубе Голиков бросился Матюшенко в ноги. “Я согрешил перед командой. Прости, братец!” – писклявым, дрожащим голосом лепетал он... “Как, матросы?” – обратился Матюшенко к команде броненосца. “На нок его! Он угрожал нам ноком! Пусть теперь сам повисит там! Нечего с ним возиться, расстрелять кровопийцу!” – кричали другие. Голикова расстреляли, тело выбросили за борт».

Увы, любое историческое событие постепенно обрастает легендами. Порой это происходит само по себе, однако чаще искусственное легендирование имеет ярко выраженный политический аспект. Любой правящий режим всегда старается «заработать» на истории и изменить прошлое в свою пользу. Говорят, что историки тем и отличаются от Бога, что в отличие от него могут менять прошлое по своему усмотрению.

Видимо, настала пора и нам разобраться и с событиями, произошедшими в 1905 году на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», восстановить истинный ход событий и дать беспристрастную оценку тем давним событиям. Интерес этот далеко не праздный, так как и сегодня определенные политические силы, ставя все с ног на голову, пытаются извлечь из истории с восстанием на броненосце «Потемкин» политические дивиденды.

Глава вторая. «Потемкин» и его команда

Что же представлял собой эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» и его команда?

Что касается броненосца, то он был заложен 28 сентября 1898 года на стапеле Адмиралтейства в городе Николаеве. Разработку проекта, а впоследствии руководство строительством, осуществлял корабельный инженер Севастопольского военного порта А. Э. Шотт.

Прототипом для «Потемкина» послужил построенный ранее броненосец «Три Святителя», однако проект нового корабля вобрал в себя ряд перспективных конструкторских решений, примененных при строительстве и других броненосцев. Так, его мореходные данные соответствовали ранее построенному броненосцу «Пересвет».

На «Потемкине» впервые в российском флоте использовали централизованное управление артиллерийским огнем – из центрального поста, расположенного в боевой рубке. Стал «Потемкин» и первым кораблем Российского флота, имевшим котлы для жидкого топлива.

При стандартном водоизмещении 12 480 тонн (фактическом 12 900 тонн) «Потемкин» имел следующие размерения: длину 113,2 метров, ширину по миделю 22,2 метра, максимальную осадку 8,4 метра. Максимальная скорость хода броненосца была не слишком велика, всего 16,7 узлов. Дальность плавания корабля составляла 2200 миль при экономичном ходе в 12 узлов.

Энергетическая установка – три группы паровых котлов (две из них – 14 котлов – работали на жидком топливе и одна – из 8 котлов – на угольном), приводивших в действие две вертикальные паровые машины тройного расширения суммарной мощностью 10 600 лошадиных сил

Бронирование «Потемкин» имел вполне солидное: палуба – 38–76 миллиметров, башни – 254 миллиметра, казематы – 76–152 миллиметра, рубка – 229 миллиметров.

Артиллерийское вооружение броненосца было тоже весьма внушительным. Главный калибр «Потемкина» составляли четыре 305-миллиметровых орудия со стволами длиной 40 калибров, размещенные в двух башнях – носовой и кормовой. Помимо этого броненосец имел шестнадцать 152-мм орудий, четырнадцать 75-мм, четыре 47-мм и два 37-мм орудий, а также две 63-мм десантные пушки и пулемет. В дополнение к этому на броненосце было установлено и пять торпедных аппаратов.

По своим тактико-техническим характеристикам эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» на момент ввода в строй являлся мощнейшим в своем классе кораблем Российского военного флота. Кстати, по вооружению он превосходил близкий ему по типу эскадренный броненосец «Ретвизан», строившийся в Америке для русского флота, а также новейшие английские броненосцы типа «Куин» значительно большего водоизмещения. При этом следует признать, что «Потемкин» уступал им в скорости полного хода, но русское военно-морское командование считало его парадные 16 узлов вполне достаточной скоростью для броненосцев Черноморского флота.

В сентябре 1900 года в торжественной обстановке эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» был спущен на воду, а летом 1902 года переведен в Севастополь – для достройки и вооружения. Первоначальный срок ввода в строй был сорван из-за большого пожара, вспыхнувшего в котельном отделении. Урон, причиненный огнем, оказался значительным. Особенно пострадали котлы. Пришлось заменить их другими, рассчитанными уже под твердое топливо. В том же 1902 году во время испытаний артиллерии главного калибра обнаружилось раковины в броне башен. Пришлось заменять старые башни на новые. А их изготовили лишь к концу 1904 года. Все это в итоге чуть ли не на два года задержало ввод корабля в строй.

Как знать, сложись все иначе, может быть, высшее командование и нашло бы вариант, как вывести новейший броненосец через Босфор, включив его в состав 2-й Тихоокеанской эскадры. Смог бы в этом случае «Потемкин» что-либо изменить в раскладе сил в печальном для России Цусимском сражении? Думаю, что вряд ли. Впрочем, скорее всего, он вошел бы в историю, как корабль, героически дравшийся с врагом в самом кровавом для нас морском сражении.

Летом 1902 года «Потемкин» был переведен в Севастополь – для достройки и вооружения. Первоначальный срок ввода в строй был сорван пожаром, вспыхнувшим в котельном отделении. Урон был таким, что котлы пришлось заменить на котлы под твердое топливо. Во время испытаний артиллерии главного калибра обнаружилось раковины в броне башен. Их тоже пришлось заменять новыми.

Как бы то ни было, но к 1905 году «Потемкин» все же был принят в состав Российского императорского флота, несколько пополнив обескровленные после Русско-японской войны наши морские силы.

К формированию команды броненосца приступили практически одновременно с его закладкой. Для этого был создан 36-й флотский экипаж, в котором готовили корабельных специалистов различного профиля – артиллеристов, машинистов, минеров.

При вступлении броненосца в строй в мае 1905 года экипаж состоял из 731 человека, в том числе 26 офицеров.

Согласно данным военно-морского историка Б. И. Гаврилова, «Потемкин» имел следующий состав экипажа: 20 офицеров флота, четыре инженера-механика, два врача, священник, 12 кондукторов, 763 матроса. Для испытаний механизмов и орудий на нем находились гарантийный механик Николаевского завода А. Н. Харкевич, 23 мастеровых и три офицера от высших технических органов морского ведомства. На день мятежа на борту корабля находилось 15 офицеров, 781 матрос, два врача и один священник, при штатной численности в 705 матросов и 26 офицеров.

* * *

Как и на всех других кораблях Российского императорского флота, костяк офицеров на «Потемкине» составляли кадровые офицеры, окончившие полный курс Морского корпуса в Петербурге (а старшие офицеры – еще и офицерские классы), имевшие хорошую теоретическую подготовку и необходимый практический опыт как морской, так и военной службы. Именно эта категория офицеров и определяла лицо флота начала XX века, именно они и занимались обучением и воспитанием личного состава.

Что касается корабельных инженер-механиков, то одна часть из них были выпускниками Морского технического училища в Кронштадте, другая же являлась выпускниками технических вузов, в частности, половина младших офицеров-механиков «Потемкина» была выпускниками Харьковского технологического института. Будучи неплохо подготовленными по специальности, выпускники технических институтов не являлись настоящими офицерами в классическом понимании этого слова. Многие из них даже не имели офицерских званий. К тому же из-за достаточно тяжелой службы и небольших окладов, затруднительной карьеры служба на флоте считалась для дипломированных инженеров (которые в то время ценились в России на вес золота) не слишком престижной. Поэтому особой мотивации у инженер-механиков (особенно у самых молодых из них) для военно-морской службы просто не было.

Помимо этого, из-за больших потерь в Русско-японской войне и хронического некомплекта офицеров на «Потемкине», как и на других кораблях российского флота в 1904–1905 годах, находилась еще одна категория офицеров – младшие офицеры, призванные на время

войны из запаса. Это были по большей части гражданские штурманы и механики, ставшие на время прапорщиками по адмиралтейству. Данная категория людей офицерами вообще являлись лишь номинально. Прапорщики по Адмиралтейству в большинстве случаев просто отбывали номер, считая дни и часы, когда они снова вернутся к вольготной гражданской жизни. Если для войны морской опыт этих людей и мог быть востребован, то для мирных флотских будней они были больше вредны, чем необходимы.

Как мы увидим в дальнейшем, именно представители последних двух категорий офицерского состава окажутся менее стойкими в своем противодействии мятежникам. Как мы понимаем, это произошло совсем не случайно.

На момент рассматриваемых нами в книге событий на борту «Потемкина» из штатного офицерского состава находились: командир корабля капитан 1-го ранга Е. Н. Голиков 1-й, старший офицер капитан 2-го ранга И. И. Гиляровский, ревизор мичман А. Н. Макаров 4-й, старший минный офицер лейтенант В. К. Тон, старший артиллерийский офицер лейтенант Л. К. Неупокоев 2-й, младший артиллерийский офицер мичман Б. В. Вахтин 3-й, старший штурманский офицер капитан корпуса флотских штурманов К. Г. Гурин, младший штурманский офицер прапорщик по морской части Н. Я. Ливенцев, вахтенный начальник прапорщик по морской части Д. П. Алексеев, вахтенный начальник прапорщик по морской части Н. С. Ястребцев, старший судовой механик подполковник корпуса инженер-механиков флота Н. Я. Цветков, минный механик поручик корпуса инженер-механиков флота С. А. Заушкевич, трюмный механик поручик корпуса инженер-механиков флота А. М. Коваленко, гидравлический механик поручик корпуса инженер-механиков И. Ф. Назимов, вахтенный механик подпоручик корпуса инженер-механиков П. В. Калюжнов, старший судовой врач надворный советник С. Г. Смирнов, младший судовой врач лекарь А. С. Галенко.

Буквально накануне мятежа был списан с корабля мичман А. Н. Кусков. В книге «Борец за свободу» Б. И. Гаврилов пишет, будто ленинградский историк В. А. Ермолов установил, что А. Н. Кусков участвовал в революционной работе. Однако при этом не приводит никаких подтверждающих фактов. К тому же, несмотря на обилие исторических трудов о революционных событиях 1905–1906 годов, о таинственном революционном мичмане Кускове никогда никто ничего и слыхом не слыхивал. Думается, что мичман Кусков был просто переведен с корабля на корабль в обычном порядке, а уж «революционером» его сделали задним числом любители исторических сенсаций. Такое стремление понятно – вот перед вами еще одна тайна броненосца «Потемкин», ведь, может быть, окажись мичман-«революционер» в день мятежа на палубе броненосца, был бы сейчас у нас второй лейтенант Шмидт!

Уже в самый последний момент с уходящего в море броненосца по каким-то делам съехали на берег мичманы Гнилосыров и Тихменев. Относительно этих офицеров, чудом оказавшихся вне корабля во время печально знаменитых событий на «Потемкине», в 50–70-е годы писали, что оба они якобы были особо нелюбимы командой, а потому, узнав каким-то неведомым образом о готовящейся на корабле расправе с офицерами, попросту сбежали загодя с корабля. В это не слишком верится.

Во-первых, еще никто из историков не привел по данному факту никаких документальных свидетельств. Таковыми, как мы понимаем, могли стать документы расследования трагических событий на «Потемкине» или объяснительные записки самих отбывших с борта броненосца офицеров.

Во-вторых, почему съехавшие на берег офицеры при этом не предупредили командира о готовящемся мятеже? Струсили? Сподличали? С точки зрения офицерской чести, да и вообще человеческой морали, никакой офицер, находившийся в здравом уме и твердом рассудке, никогда бы так не поступил. Если бы такой факт действительно имел место, то Гнилосырову с Тихменевым после этого не было бы места на флоте, тогда как оба они впослед-

ствии вполне достойно служили на флоте и никто никаких претензий к ним относительно событий на «Потемкине» не предъявлял.

В-третьих, выход в море корабля намечался самый заурядный и самый кратковременный, поэтому крайней необходимости присутствия на борту всех офицеров просто не было, тем более что офицеры, скорее всего, были просто отправлены решать какие-то служебные дела на берегу. Это самая обычная практика и в этом откомандировании корабельных офицеров на сутки-двое на берег нет ничего сверхъестественного. Все, служившие когда-либо на кораблях, прекрасно это представляют.

* * *

Говоря о команде «Потемкина», необходимо отдельно сказать о такой категории, как сверхсрочнослужащие.

Что касается нижних чинов сверхсрочной службы и кондукторов, то они появились в российском флоте в 90-х годах XIX века, по примеру некоторых западноевропейских флотов. Число сверхсрочников (оставшихся на службе свыше 7 лет) из-за малого жалования и почти одинакового положения с чинами «срочной» службы было незначительным. Мало было и чинов сравнительно привилегированной категории – кондукторов и старших боцманов флота, которые имели свои «кают-компании», особые каюты на кораблях и носили форму одежды наподобие офицерской.

Комплектование кораблей кондукторами и старшими боцманами затруднялось отсутствием системы их подготовки при достаточно сложном экзамене и малыми размерами жалования. Жалование кондуктора на берегу составляло 45–55 рублей в месяц – т. е. столько, сколько мог заработать квалифицированный мастеровой, не стесненный к тому же строгими требованиями военной службы. К 1904 году не удалось заполнить даже весьма ограниченные корабельные кондукторские штаты (580 человек). На кораблях эскадры Тихого океана, к примеру, служили всего 96 старших боцманов и кондукторов – несколько более 0,5 % от количества нижних чинов. Только при комплектовании 2-й эскадры Тихого океана на каждый большой броненосец удалось назначить по 12–16 кондукторов.

Среди кондукторов были настоящие мастера своего дела. В боях Русско-японской войны кондукторы и старшие боцманы, по существу, будучи избранными из лучших нижних чинов, как правило, вели себя храбро, грамотно руководили устранением повреждений, иногда заменяли офицеров. Об этом свидетельствуют их почетные места в списках награжденных. Однако в силу своей малочисленности эта категория личного состава не в полной мере отвечала тем надеждам, которые возлагались на нее при учреждении. В целом кондуктора и унтер-офицеры «Потемкина» соответствовали предъявляемым им требованиям.

* * *

Ну а что представляли собой матросы «Потемкина»? Известный военно-морской историк капитан 1-го ранга В. Ю. Грибовский в свое время дал развернутую картину общего положения дел в 1904–1905 годах на Тихоокеанском флоте, которая не слишком отличалась от ситуации на флоте Черноморском. Он писал: «Достаточно высокий уровень развития системы подготовки нижних чинов позволил в военное время успешно обучить многочисленных новобранцев и направить их на корабли. Дополнительные потребности покрывались призывом 6,6 тысяч запасных матросов и унтер-офицеров, которые на кораблях 2-й эскадры Тихого океана составили от 15 до 23 % общей численности нижних чинов. Опасности войны не вызвали возрастания дезертирства, что свидетельствует о достаточно высоком моральном духе рядового состава флота.

Немногочисленными “нетчиками”, как и до войны, оказывались матросы “дурного поведения”, зачастую из разряда штрафных, т. е. бывших под судом. Даже в исключительно тяжелом и длительном походе 2-й Тихоокеанской эскадры на театр военных действий “нетчиков” были единицы. Так, по свидетельству обер-аудитора этой эскадры В. Э. Добровольского, среди нижних чинов (почти 16 тысяч человек) был зафиксирован всего один побег – с крейсера “Адмирал Нахимов” в Малаккском проливе. Беглец был подобран иностранным судном и вернулся на эскадру. Правда, имелись сведения и о трех матросах, пропавших с новых броненосцев во время стоянки у берегов Индокитая.

Редки были в этом походе и т. н. “массовые беспорядки” – коллективное выражение претензий во фронте. Оба случая – на броненосце “Орел” и “Адмирале Нахимове” – были связаны с недовольством команды пищей. Только последний случай закончился судом с приговором “зачинщиков” к 3–4 годам каторжных работ (приговор отложен и не исполнен). И это притом, что матросы эскадры были оставлены без положенного вещевого довольствия и напоминали оборванцев в импровизированной обуви. Увольнения на берег – т. е. минимальный отдых – были редки, а на части кораблей с наиболее многочисленным экипажем не проводились вовсе.

Из дисциплинарных проступков 46 стали предметом расследования, из них только 11 закончились судом. Максимальный приговор – 8 лет каторги с отсрочкой исполнения, два дела касались “оскорбления действием” матросом офицера, одно – кондуктора. На берегу имели место случаи массового пьянства нижних чинов. Но на эти явления начальство смотрело сквозь пальцы. Зато за пьянство в сообществе подчиненных ему нижних чинов боцман-мат-фельдфебель Алексей Новиков контр-адмиралом Н. И. Небогатовым был лишен звания и понижен в матросы 1-й статьи.

Случаи рукоприкладства офицеров по отношению к матросам не были правилом, хотя и имели место. Любители кулачной расправы, если случай становился известен начальству, подвергались взысканиям в приказе: например, лейтенанту А. П. Мордвинову (“Владимир Мономах”) за удар по лицу машиниста Щербакова было объявлено 5 суток ареста в каюте “с приставлением часового”. В то же время многие унтер-офицеры и боцмана явно злоупотребляли рукоприкладством, которое не наказывалось и как бы оставалось не известным офицерам.

В боях нижние чины, как правило, сражались храбро и самоотверженно. Многие раненые не оставляли своих боевых постов. Об этом ярко свидетельствуют рапорты и боевые донесения. Так, матрос Булгаков (“Паллада”), имея ранение, помогал переносить других раненых, а после перевязки вернулся к своему оружию. Остался у орудия дважды раненый комендор Малахов (“Диана”) и др.

Случай паники имел место только один раз – на крейсере “Дмитрий Донской” в бою 15 мая 1905 г. Но он носил исключительный характер, так как в расстройство пришли уже потрясенные накануне гибелью своего корабля и выловленные из воды матросы броненосца “Ослябя”. В значительной степени были деморализованы и потянулись к казенному вину матросы сдавшихся 15 мая 1905 г. кораблей, но это произошло только после сдачи. Даже в безнадежных условиях люди до конца оставались на боевых постах.

Многие нижние чины проявили себя не только храбрыми воинами, способными к самопожертвованию, но также инициативными исполнителями и даже руководителями, принимавшими самостоятельные решения. Среди таких можно назвать боцманмата с броненосца “Победа” Петра Апалинова, кавалера всех четырех степеней Знака отличия Военного Ордена (самостоятельно командовал минным катером) или машинного квартирмейстера с крейсера “Баян” Василия Бабушкина, участника боев под Порт-Артуром и Цусимского сражения. Помимо четырех “Георгиев” Бабушкин был отмечен также Знаком отличия ордена Святой Анны – т. е. получил максимум возможных для нижнего чина наград. После войны

(в порядке исключения) в офицеры по Адмиралтейству был произведен бывший минный квартирмейстер с «Баяна» Андрей Буторин, который в Порт-Артуре со знанием дела выполнял самые рискованные вылазки.

Качество специальной подготовки (профессионализм) матросов и унтер-офицеров в начале XX в. было достаточно высоким. Достижение его обеспечивалось экстенсивным путем – за счет увеличения сроков обучения. Неоправданно много времени тратилось на теоретический курс и строевую подготовку. В практическом обучении комендоров не применялись береговые тренажеры, зато во время практического плавания стремились к освоению всех систем артиллерийского вооружения, количество которых из года в год возрастало.

Так, в кампании 1900 г. ученики-комендоры старшего класса проходили 21 урок стрельбы из различных орудий, имевшихся на кораблях учебно-артиллерийского отряда, в том числе из новейших патронных, а также из совершенно устаревших образца 1867 г. К сожалению, руководители учебных отрядов – адмиралы З. П. Рожественский, Д. Г. Фелькерзам, Н. И. Небогатов, П. П. Молас – не смогли оценить значение специализации в обучении артиллеристов. Характерно, что многие выпускники учебных отрядов, успешно освоив весь курс подготовки, при назначении на корабли флота вновь сталкивались с совершенно новыми им новыми артиллерийскими установками.

Следует отметить, что специальность комендора, как и сигнальщика, была непопулярной среди нижних чинов, которые рассчитывали за семилетнюю службу приобрести навыки, полезные для «гражданки». Например, стать машинистами или гальванерами (электриками). Учрежденные в начале XX века призы для комендоров Учебно-артиллерийского отряда за лучшую стрельбу являлись недостаточным стимулом к управлению орудиями.

В то же время нельзя согласиться с отдельными заявлениями о том, что русский матрос заведомо тяготился службой, «тянул ляжку» как придется, а по натуре был ленив и глуп. События войны показали, что при обеспечении грамотного управления и личной примерности офицеров нижние чины флота были вполне на уровне требований, предъявляемых боевой обстановкой».

По возрасту матросы «Потемкина» серьезно отличались от нынешних призывников-мальчишек. Если в советское время и сейчас призываются в основном 18-летние мальчишки, то тогда призыв производился лишь с 21 года, а во многих случаях еще на два-три года позднее. А так как служили тогда матросы в соответствии с российским законодательством семь лет, то в большинстве случаев матросы имели возраст 23–28 лет, т. е. были уже вполне взрослыми людьми.

Из 780 матросов броненосца «Потемкин» было много относительно молодых матросов, прежде всего учеников кочегаров и машинистов, прибывших на флот весной 1905 года. При этом и вся команда была достаточно молода для российского флота того времени, т. к. ее основу составляли, прежде всего, призывники 1904 года, составлявшие около 30 % всей команды. При этом крестьяне составляли минимум 73 % команды, мещане – 9 %. Что касается представителей пролетариата, то их на корабле практически не было. Историк Ю. П. Кардашев в своем фундаментальном труде «Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда» провел исследование социального состава команды и пришел к следующему выводу: «Подавляющее большинство новобранцев броненосца состояло из призывников традиционных земледельческих районов России – центрально-черноземных и южных губерний, где в значительной степени преобладало крестьянское население. Кроме того, такие специальности, как кузнец, плотник, мельник, сапожник и ряд других, были обычными для самой деревни и не означали полного отрыва этих людей от крестьянских занятий. В основном это были полурабочие-полукрестьяне, полурабочие-полуремесленники. Таким образом, к «чистому» пролетариату относилась лишь незначительная часть команды, но какая именно, проследить по документам не представляется возможным. Если применять термины недав-

него прошлого о классовой структуре общества, то следует признать, что команда «Потемкина» была в значительной степени мелкобуржуазной».

Данные Ю. П. Кардашева полностью опровергают бытовавшее утверждение советской историографии, что в технические службы кораблей подбирали «грамотную молодежь почти исключительно из рабочих».

На самом деле грамотных на броненосце была почти половина матросов, но это данные на момент призыва, так как в процессе службы многие матросы добровольно-принудительно, но читать и писать учились.

Опыт команды «Потемкина» был мал – только 80 матросов проходили ранее службу на других кораблях Черноморского флота (при этом большинство из них служило совсем не на боевых кораблях, а, к примеру, на транспорте «Березань», да еще 14 ранее служили на крейсере «Варяг». Вот и весь реальный опыт! А ведь командиру броненосца Е. Голикову надлежало в кратчайшие сроки сделать корабль боеготовым. Это значило, что надо было муштровать команду непрерывными учениями днем и ночью, так как никакой другой методики превращения небоеготового корабля в боеготовый до сегодняшнего дня никто пока не придумал.

Что касается дисциплины на «Потемкине», то она была не хуже и не лучше, чем на других кораблях Черноморского флота. Основные взыскания, налагаемые на матросов, тоже самые обычные и бытовые – пьянство, драки, воровство. Гораздо реже встречается такое взыскание, как «чтение не просмотренной офицерами литературы», и уж совсем редко – чтение или распространение листовок.

* * *

Разумеется, служба в Российском императорском флоте никогда раем не была. Как и на каждом флоте, случалось всякое. Бывали и преступления, и несчастные случаи. Офицеры тоже были далеко не ангелами, могли и под суд отдать и по морде съездить. И хотя к началу XX века телесные наказания были уже далеко в прошлом, все же нерадивых матросов иногда били. Сказывалась и кастовость кадрового офицерства, которое было практически полностью дворянское и в силу этого не имело ничего общего с низшими социальными слоями. Все это так. Но доподлинно известно и то, что офицеры били матросов весьма редко, и в самой офицерской среде рукоприкладство презиралось, а потому не было типичным. Если кто и бил матросов, так это сверхсрочники-кондуктора, да и то сомневаюсь, что кто-то из них поднял бы руку на знающего свое дело старослужащего матроса. Если кондуктора и давали подзатыльники, то исключительно бестолковым новобранцам, чтобы учились шустрее. Но так было всегда, в том числе и в советское время. Командир отделения и по шее даст, и пожалеет, и на путь истинный наставит. Что касается «Потемкина», то, несмотря на все обвинения в адрес командования корабля, я нигде и никогда не встречал упоминания в воспоминаниях потемкинцев о конкретных случаях избияния матросов офицерами корабля. Ругали, это было. А слышали ли вы, как поносили нерадивых матросов на советских кораблях, да и на сегодняшних российских? Так что, из-за этого всякий раз устраивать мятежи?

К тому же «Потемкин» еще не был принят в состав флота. На броненосце велись доделочные работы, и сам он пошел к Тендре, чтобы опробовать новые орудия и отработать артиллеристов. На новостроенных кораблях команда всегда очень «сырая», так как является сборной с разных кораблей и учебных отрядов. Служившие на флоте знают, что новые корабли со сборными экипажами самые сложные. Ведь одна часть матросов переводятся на такие корабли с других, и командиры, как правило, не желая расставаться с дисциплинированными и хорошо подготовленными подчиненными, отдают на новостройки по принципу «бери боже, что душе негоже». Из-за этого у командиров новых кораблей наряду с освоением

новой техники, испытаниями оружия и вводом корабля в боевую линию стоит еще не менее важная и сложная задача в кратчайшее время создать из матросской массы то, что называется лаконично, но емко, – экипаж. Период достройки опасен и резким падением дисциплины, так как на корабле идут заводские работы, туда-сюда снуют рабочие, внося неразбериху, да и сами матросы больше работают, чем занимаются службой, а потому любой корабль в период достройки больше напоминает плохой партизанский отряд, чем экипаж боевого корабля. Этот период времени традиционно дает всегда всплеск правонарушений. Отметим, что и второй мятеж на Черноморском флоте в ноябре 1905 года был поднят на крейсере «Очаков», корабле, находящимся в стадии достройки. Это, разумеется, не случайно.

В июне 1905 года перед командиром «Потемкина» капитаном 1-го ранга Голиковым и его старшим офицером капитаном 2-го ранга Гиляровским стояла серьезная задача – как можно быстрее ввести свой корабль в боевой состав флота. После Цусимы Россия осталась безоружна на море, и необходимо было в кратчайшие сроки пополнить флот полноценной боевой единицей. Это они, увы, сделать так и не успели. О том, что команда «Потемкина» была профессионально подготовлена очень плохо, говорит то, что, оказавшись без офицеров, матросы так и не смогли (и слава богу!) освоить стрельбу из орудий главного калибра и за несколько дней полностью засолили все котлы корабля.

Потемкинец Н. Рыжий в своих воспоминаниях делит матросов «Потемкина» на сознательных, тех, кто постоянно нарушали дисциплину и бунтовали (именно к таким относился Матюшенко и его ближайшее окружение, включая самого Н. Рыжего), и «жлобов», которые старались служить «верой и правдой» начальству и все действия офицерства считали законными. То были в большинстве представители селян-куркулей. Они только и мечтали отслужить как-нибудь и вернуться в свою сельскую среду живыми и здоровыми». Подавляющее дисциплинированное большинство команды было, разумеется, по градации Н. Рыжего, «жлобами». Вообще, честно говоря, надо быть на самом деле изрядно не в себе, чтобы не мечтать «отслужить и вернуться живыми и здоровыми». Мечтать о судьбе уголовника может только истинный люмпен... Заметим, что на матросском жаргоне того времени т. н. «сознательные» матросы тоже имели свое наименование – их звали шпаной.

В целом же и офицеры, и сверхсрочники, и матросы «Потемкина» были вполне на уровне тогдашних требований, не лучше и не хуже, чем на других кораблях Черноморского флота.

* * *

У историков революционного движения мятеж на «Потемкине» традиционно определяется как знаковое событие в революции 1905 года. Кто-то называет его даже «детонатором последующей революционной бури на юге России». Думается, что такой взгляд слишком поверхностен и наивен, так как на самом деле поразивший Россию политический кризис был на много порядков сложнее. В нем воедино переплелись происки западной и японской агентуры и экстремистские акции профессиональных разрушителей России – революционеров и националистов всех мастей, военные мятежи и крестьянские беспорядки, рабочие стачки и забастовки, недовольство как либеральной интеллигенции, так и старого дворянства. Причем все это происходило на фоне сокрушительного и обидного поражения в войне с Японией.

Если даже рассматривать мятеж на «Потемкине» как один из фрагментов общероссийской смуты, необходимо признать, что государственные власти еще загодя готовились к возможным протестам и предпринимали определенные меры для их предотвращения, по крайней мере в армии и на флоте. Хотя, как мы теперь понимаем, меры принимались все же весьма половинчатые.

Так, для предотвращения нежелательных контактов матросов с наводнившими Севастополь агитаторами всех мастей командующий Черноморским флотом 1 ноября 1904 года издал приказ, запрещающий увольнение в город, что сразу же вызвало негодование матросов. В принципе все было сделано правильно, т. к. Россия находилась в состоянии войны, и матросам надо было готовиться сражаться с врагом, а не шляться по кабакам. Впрочем, возмущение матросов объяснялось еще и тем, что перед ними стояла перспектива отправки на 3-ю Тихоокеанскую эскадру, которая в это время уже готовилась к отплытию на Дальний Восток, и это не прибавляло им любви к власти.

Уже 3 ноября несколько тысяч матросов в Лазаревских казармах потребовали у дежурного офицера увольнения в город. Не получив от него разрешения, они вскрыли оружейные пирамиды и, захватив оружие, принялись беспорядочно палить в воздух, потом сорвали с петель ворота военного городка и утопили их в Южной бухте. Одновременно самые предприимчивые сразу же бросились грабить находившиеся рядом с казармами офицерские квартиры, стремясь поживиться за чужой счет и, прежде всего, разжиться спиртным. Некоторое время спустя среди матросов замелькали неизвестные штатские лица, которые, собирая их в группы, начали призывать к вооруженному мятежу. Но ничего у агитаторов не вышло. Матросы к этому времени уже выпустили пар и несколько успокоились, после чего вернулись в казармы.

Ноябрьские события 1904 года в Севастополе так и остались лишь массовой хулиганской выходкой, не более того. Однако это было уже предостережение, которое надо было учитывать в дальнейшем. Зачинщиков беспорядков подвергли аресту и различным наказаниям в соответствии с требованиями дисциплинарного устава и военного законодательства, но, впрочем, отнеслись достаточно лояльно. Несколько сотен матросов все же отправили на Балтику на доукомплектование 3-й эскадры. При их отправлении 5 декабря произошли новые волнения, на этот раз в основном среди портовых рабочих. Какое дело было портовым рабочим до перевода нескольких сотен матросов с одного флота на другой, никто вслух не говорит. Однако ответ здесь прост – дело было вовсе не в матросах, нужен был повод для выступления, и повод был найден. Сегодня уже ни для кого не является тайной, что японская разведка щедро финансировала революционеров всех мастей с единственной целью – организовывать саботаж на военных предприятиях и железных дорогах. Так что попытки севастопольских портовых рабочих, вышедших на улицы со своими приезжими агитаторами, явились не чем иным, как отработкой полученных японских денег. В окнах вагонов воинского эшелона истеричные девицы выставляли заранее приготовленные красные флаги. Одновременно матросам раздавалась водка. Матросы водку пили, а выпив, горланили песни. В печати сообщалось, что пели именно революционные.

Власти в данном случае снова оказались на высоте. Истеричных девиц с перрона выгнали, темные субъекты разбежались сами. Наиболее перепившихся и хулиганивших сняли с эшелона и отдали под суд. Пятеро из них были приговорены к каторжным работам, 7 человек направлялись в арестантские роты, а 16 – в дисциплинарный батальон. В ответ на это в Одессе, Николаеве, Екатеринославле, Баку революционеры организовали акции протеста, впрочем, не слишком многочисленные и впечатляющие.

Разумеется, что командир «Потемкина» капитан 1-го ранга Голиков несомненно знал о том, что на вверенном ему корабле тоже не все ладно. Это следует из материалов судебного расследования по факту мятежа на броненосце. В них имеется сообщение прокурора Симферопольского суда о том, что «...по ходу следствия по делу потемкинского восстания выяснилось, что еще до выхода корабля в море его командир капитан 1-го ранга Голиков получил анонимное письмо с предупреждением об ожидаемом бунте эскадры в море, и далее приводились имена бунтовщиков на «Потемкине», но Голиков не докладывал об этом коман-

дованию флота». В этой излишней самонадеянности и нежелании «выносить сор из избы» и была его роковая ошибка.

За две недели до роковых событий на броненосце мичман Б. В. Вахтин неожиданно получил по почте от неизвестного лица пачку прокламаций. Для чего это было сделано, до конца не ясно, ведь, что это насторожит мичмана, и он обязательно доложит о странной посылке по команде, отправляющий прокламации не мог не понимать. Можно предположить, что это было своеобразным предупреждением преданного властям неизвестного матроса, оказавшегося каким-то образом в рядах бунтарей и решившего столь своеобразно предупредить командование о надвигающейся угрозе. По крайней мере, другого логичного объяснения данному факту я не вижу.

Глава третья. Мятеж: как это было в действительности

Накануне событий на «Потемкине» командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г. П. Чухнин отбыл в Петербург на обсуждение новой судостроительной программы, оставив за себя старшего флагмана вице-адмирала Кригера. В числе последних распоряжений перед отъездом Чухнин отдал приказ командиру броненосца «Потемкин» выйти в отдельное плавание в Тендровский залив для выполнения артиллерийских стрельб главным калибром.

В воскресенье 12 июня 1905 года новейший эскадренный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» вышел на учебные стрельбы из Севастополя в Тендровский залив в сопровождении миноносца № 267. За день до этого на корабле произошло сразу два тревожных события. Во-первых, сразу 50 матросов под разными предлогами обратились к командованию с просьбой списать их с броненосца. Вероятно, они знали о подготовке восстания и не желали в нем участвовать. Во-вторых, кто-то из них предупредил командира анонимным письмом о планируемом мятеже и называл имена руководителей. Однако командир броненосца капитан 1-го ранга Голиков почему-то оставил оба этих происшествия без должного внимания.

13 июня 1905 года эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в сопровождении миноносца № 267 прибыл к Тендровской косе для проведения опытных стрельб в присутствии прибывшей из Петербурга комиссии. Корабль был недавно спущен на воду, и необходимо было проверить прочность конструкции корабля в месте установки орудий. Кроме этого, стрельбы должны были быть выполнены и в интересах артиллерийского отдела Морского технического комитета (МТК). Команда «Потемкина» на тот момент была сборная, в основном состоявшая из новобранцев и молодых матросов с других кораблей. Старослужащих, прослуживших на флоте более пяти лет, было всего около ста человек.

Историк Р. М. Мельников так описывал в своей книге «Броненосец “Потемкин”» события, предшествующие мятежу: «12 июня 1905 года “Потемкин” снялся с бочки на большом Севастопольском рейде и, обогнув Константиновскую батарею, проложил курс на север. На левом траверзе корабля держался назначенный в распоряжение командира броненосца маленький 77-тонный миноносец № 267, давно уже, как и его собратья постройки 80-х годов, использовавшийся для посыльной службы. Командовал им “по совместительству” единственный на борту офицер лейтенант барон Клодт фон Юргенсбург, артиллерийский офицер “Потемкина”... В 7 часов утра, в понедельник 13 июня, обогнув справа длинную песчаную косу, корабли отдали якоря в пустынной Тендровской бухте. Уже оборудованная после зимы навигационными знаками бухта должна была вскоре заполниться кораблями Практической эскадры, которая подобно полкам, уходившим из казарм на лето в полевые лагеря, перебиралась с началом кампании для учений на удаленный от городских соблазнов и закрытый с моря удобный Тендровский рейд. Высланный вперед “Потемкин” должен был до прихода эскадры успеть выполнить задуманные МТК опытные стрельбы с целью определить эффективность действия снарядов при падении в воду вблизи борта корабля. Для участия в стрельбах на корабль прибыли специально командированные из Петербурга начальник артиллерийской чертежной МТК полковник И. А. Шульц (на самом деле И. А. Шульц являлся полковником корпуса морской артиллерии. – В. Ш.) и член комиссии морских артиллерийских опытов лейтенант Григорьев. На тот момент полковник Шульц являлся одним из лучших специалистов в области морской артиллерии.

Днем миноносец № 267, приняв мичмана Макарова, артельщика и буфетчика броненосца, ушел за провизией в Одессу, а командир Е. Н. Голиков, полковник И. А. Шульц и несколько офицеров отправились на берег для осмотра бетонных укреплений и рыбного завода. С управляющим заводом командир договорился о сетях для коллективной рыбной ловли – испытанного и безотказного средства отдыха и развлечения матросов, позволявшего на время забыть о тяготах службы, а заодно и отвлечь от опасных мыслей.

Между тем покинувший в 21 час Одессу экипаж миноносца № 267 был весь во власти тревожной обстановки в городе, охваченном широкой политической стачкой, вот-вот грозившей перерасти в вооруженное восстание. Доставленные на тихий Гендровский рейд известия о массовых избиениях и расстрелах забастовщиков в Одессе, о первых разгоревшихся схватках рабочих с полицией быстро распространились среди матросов. Общее возбуждение охватило корабль. Достаточно было самого незначительного повода и решительного призыва к действию, чтобы пламя восстания охватило корабль».

Итак, днем 13 июня ревизор мичман Макаров с баталером Геращенко, с двумя артельщиками и двумя коками отправились на миноносце № 267 в Одессу для закупки провизии. Поскольку в Одессе в этот день уже началась забастовка, пришлось закупить 28 пудов мяса в частном магазине Коновалова. Мясо, хотя и не местного, а привозного убоя, было пригодно к употреблению, другого в охваченной беспорядками Одессе в тот момент просто не было. Затем мясо еще более пяти часов пролежало в мешках на горячей палубе миноносца, который задержался в пути на два часа из-за столкновения с вышедшей в море без огней рыбацкой шаландой. Помимо мяса было закуплено и большое количество овощей и зелени, как для кают-компании, так и для команды. Переданное на броненосец после трех часов ночи мясо, по свидетельству вахтенного прапорщика Ястребцева, было с небольшим «запашком». Заметим, что в это время Голиков уже договорился не только об организации рыбалки для матросов, но и о доставке на корабль свежей рыбы, чтобы разнообразить матросский стол. Об этом факте историки постараются забыть: еще бы, сатрап Голиков, «кормивший своих матросов червивым мясом» – и вдруг такая забота о тех же матросах! Это никак не укладывалось в миф о «Потемкине». Кроме этого, отметим, что 13 июня был объявлен на корабле выходным днем и команда броненосца отдыхала. Матросы лишь посменно несли стоячную вахту у действующих механизмов, все же остальные загорали на палубе, спали, читали и ловили с борта рыбу. Никаких занятий, никаких издевательств и притеснений. Этот факт отмечен в вахтенном журнале броненосца. Что ж, не так уж и плохо служилось на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

В ночь на 14 июня часть привезенного мяса пошла на варку обеденного борща для команды, а остальное подвесили в мешках на спардеке с левой стороны.

* * *

В 10 утра началось предусмотренное расписанием дня купание команды в море. После купания боцмана и унтер-офицеры просвистали сигнал «К вину и на обед» и команда выстроилась на баке на традиционную чарку, за которой должен был последовать и обед.

Как и положено по корабельному уставу, вахтенный офицер прапорщик Н. Я. Ливинцев снял пробу борща. По сведениям квартирмейстера Матюшенко, пробы Ливинцев не снимал. А когда старший офицер Гиляровский спросил его о качестве борща, то Ливинцев якобы ему ответил: «Борщ чудный, я бы ел его с удовольствием, но, к сожалению, глотка болит».

Каким образом эту фразу слышал Матюшенко, так и осталось загадкой, так как его просто никогда бы не пустили на ходовой мостик, да еще позволили стоять и подслушивать разговор старшего офицера корабля с вахтенным начальником. Скорее всего, мы имеем дело с обычной выдумкой, сочиненной для оправдания своих последующих действий.

В это время вахтенному квартирмейстеру Луцаеву кто-то из команды заметил, будто борщ сварен из плохого мяса. Как «кто-то из команды» мог заметить приготовление борща из некачественного мяса, непонятно. Кто хоть немного представляет себе организацию корабельной службы, знает, что доступ на камбуз на военном корабле весьма ограничен. Скорее всего, вахтенного квартирмейстера известили бы о «плохом борще» в любом случае, так как решение на мятеж было уже принято.

Дисциплинированный Луцаев немедленно доложил информацию о борще на вахту, после чего висевшее на спардеке мясо было освидетельствовано в присутствии мичмана Макарова старшим судовым врачом Смирновым. Он нашел его достаточно свежим, нуждающимся лишь в промывке рассолом для удаления замеченных на нем местами личинок домашней мухи: в жаркое время они легко появляются на всяком мясе. Никаких червей, как потом ввали многочисленные историки, на мясе обнаружено НЕ БЫЛО!

О результатах освидетельствования доложили старшему офицеру, и тот распорядился выдавать команде обед. Но лишь только в камбузе началась раздача борща по бачкам, откуда ни возьмись появился минный машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко с несколькими подручными матросами и под угрозой избиения запретил бачковым разбирать бачки с борщом. Он-де сварен из червивого мяса! Бачковые, большинство которых составляли молодые матросы, разумеется, выполнили указание Матюшенко, так как знали, что связываться с ним далеко не безопасно.

Затем Матюшенко со своими сообщниками стали силой гнать всех из батарейной палубы, часть команды (а это были в основном новобранцы), разбирая куски хлеба, потянувшись на бак. Тех, кто пытался пообедать украдкой, били и гнали наверх. После этого Матюшенко со своей братвой явился к вахтенному квартирмейстеру Луцаеву и заявил, что команда жалуется на недоброкачество борща и есть его не желает.

Историк Ю. Кардашев в своем труде «Буревестники» так описывает этот момент: «... Матросы удерживали друг друга за рукава. “Куда идете, – говорили они товарищам, – есть борщ с червями?” Вот так вот просто нежно удерживали «друг друга за рукава». Увы, на самом деле боевики Матюшенко кулаками отгоняли команду от обеденных баков. Часть команды уже начала есть, поэтому у них опрокидывали баки с борщом и пинками выгоняли наверх. Тех, кто все же пытался обедать, грозили выкинуть за борт. Составлялись списки «борщеядов», и Матюшенко грозил им расправой. Одному из таких бедолаг, посмевавшему, вопреки приказу Матюшенко, съесть свой борщ, кочегару М. Хандыге пригрозили убийством, после чего ему удалось вскоре сбежать с «Потемкина» по приходу в Одессу. Он-то и рассказал первые подробности о мятеже на броненосце. Заметим, что те, кто поел свой борщ, но уже после захвата власти на корабле, сторонниками Матюшенко были отнесены к категории надежных.

Пытался съесть борщ и ученик кочегара Резцов, но ему не дали этого сделать. По его словам, борщ был хороший, все хотели есть, но им не давали этого сделать.

Позднее станет известно, что сам Матюшенко от себя ничего не придумал. Он действовал в соответствии с переданной ему из Одессы инструкцией, в которой упоминалось именно о червях в мясе, как о самом лучшем поводе для возбуждения команды. В обвинительном акте по делу о мятеже специально отмечалось, что «решение ни в коем случае не есть борща передавалось среди команды еще задолго до обеда». Это подтвердили в своих воспоминаниях моляр Старцев и минный машинист Рыжий, признавшие, что матросы заранее уже решили по свистку дудки на обед не ходить, борща не есть и устроить на корабле бучу.

Любопытно, что, по словам потемкинца ученика кочегара А. С. Рыжова, «до завтра число и величина червей на нем все увеличивается», т. е. слухи о червивом мясе множились в геометрической прогрессии.

Тем временем Голиков, как гостеприимный хозяин, пригласил своего гостя полковника Шульца отобедать у него в салоне. Понять Голикова было можно: помимо гостеприимства его, несомненно, интересовали взгляды и мнения столь опытного артиллериста, каким был Шульц, на использование артиллерии в современном морском бою, опираясь на опыт Порт-Артура и Цусимы. Шульц владел всей последней информацией на этот счет, тогда как офицеры Черноморского флота все еще пребывали в неведении о деталях обороны Порт-Артура и особенно относительно цусимских событий. Так что двум офицерам было о чем поговорить за обедом.

Тем временем старший офицер Гиляровский прибыл на батарейную палубу, где его встретили фельдфебели Кузьминов и Курилов, доложившие об инциденте с борщом. Поняв, что дело зашло уже весьма далеко и без вмешательства командира не обойтись, Гиляровский отправился к нему с докладом.

Из показаний И. А. Шульца: «Около 11 с половиной часов утра, как только командир вместе со мной начал обедать, явился старший офицер с докладом, что команда отказывается есть сваренный из привезенного мяса борщ, так как мясо червивое и тухлое. При этом старший офицер объяснил, что, по заявлению врача, мясо было не испорченное, а лишь только один кусок покрылся червями, как это бывает при сильной жарке, сделав же промывку в расоле, мясо сделалось вполне годным. Командир приказал собрать команду на шканцах. Когда это было сделано и доложено старшим офицером, командир вышел наверх».

Одновременно Голикову доложили, что командир миноносца № 267 просит «добро» сняться с якоря для поисков рыбаков, чтобы купить у них свежей рыбы к матросскому столу, что командиру еще накануне велел сам Голиков. Однако командиру броненосца было сейчас уже не до рыбы, и он приказал Клодту фон Юргенсбургу быть в готовности к отходу, но пока оставаться около «Потемкина». Для чего удержал миноносец Голиков, так и осталось тайной. Возможно, он просто не хотел пока забивать себе голову другими делами, кроме как решением вопроса с командой, а может быть, смутно он уже что-то предчувствовал и именно поэтому предпочел иметь рядом с бортом своего броненосца быстроходный минный корабль.

Впрочем, есть свидетельства, что уже до появления в командирском салоне Гиляровского командир уже знал о затеваемой бузе. Так, по воспоминаниям участников мятежа, его видели незадолго до этого в батарейной палубе, где Голиков спрашивал матросов, почему они не хотят есть борщ. На что ему отвечали, чтобы он ел такой борщ сам, а они лучше будут кушать хлеб с водой. По воспоминаниям поручика Коваленко, уже тогда в настроении команды чувствовалось большое напряжение. По крайней мере, он лично слышал резкие выкрики из толпы в адрес Голикова и вообще офицеров. Крики были самые демагогические о том, что заставляют работать с шести утра до пяти вечера, а кормят «гнильем». Странно, что это не насторожило Голикова. Впрочем, возможно, сыграло свою роль и присутствие на борту полковника Шульца. Голиков, как гостеприимный хозяин, считал нужным все же разделить с ним трапезу, и лишь доклад Гиляровского о том, что ситуация продолжает накаляться, вынудил его прервать совместный обед с уважаемым столичным гостем. Если все обстояло именно так, то это значит, что командир «Потемкина» в тот момент до конца еще не осознал всей критичности складывавшейся на борту его корабля ситуации.

Как и положено, по сигналу «большой сбор» заиграл горн, забил барабан, последовала команда «Повахтенно, во фронт!». Команда выстроилась на юте броненосца побортно. Первая вахта, как и положено, по правому борту, вторая – по левому. Несколько офицеров во главе с Гиляровским собрались у кормового флагштока. По свидетельству очевидцев, ожидая командира, Гиляровский прохаживался из стороны в сторону с понурым и растерянным видом.

Выйдя, Голиков поздоровался с командой, та ответила, но недружно и слабо. Затем Голиков вызвал из строя артельщиков и коков и спросил их, почему команда отказалась от борща. Те ответили, что мясо было с червями. После этого командир приказал вызвать врача.

В это время Смирнов с другими офицерами заканчивал обед в кают-компании. По воспоминаниям поручика Коваленко, сбор команды был вполне обычным явлением, поэтому к сигналу о большом сборе офицеры отнеслись спокойно. Наверх поднялись лишь строевые офицеры, механики и врачи же остались дообедывать.

Получив приказание прибыть на ют, старший врач Смирнов вместе с младшим врачом Голенко поднялись на верхнюю палубу. После этого Голиков приказал подать пробу борща и в присутствии команды приказал Смирнову снять пробу борща. По одним показаниям, Смирнов попробовал борщ, по другим – нет. Как бы то ни было, но он признал борщ хорошим и добавил, что матросы просто зажирили. После чего из строя раздались крики: «Если борщ хороший, то кушай же его!» Поднялся шум. Стремясь навести порядок в строю, Гиляровский приказал матросам замолчать.

Тем временем Голиков поднялся на буксирный кнехт.

Относительно речи Голикова воспоминания потемкинцев разнятся. Одни вспоминают, что командир разъяснял необоснованность претензии, другие (наиболее активные участники мятежа) – что он им угрожал расправой.

В более-менее обобщенном виде речь Голикова выглядела приблизительно такой: «Так как по заключению врача борщ признан хорошим, то нет больше никаких оснований считать его плохим. Это уже третий раз, когда вы под разными предложениями демонстрируете свое неподчинение, предъявляя необоснованные претензии к качеству продуктов. Это бунт не только против меня, но и против царя. Я прикажу врачам опечатать порцию борща и доставить ее на миноносце в Севастополь на анализ к прокурору. Прошу всех успокоиться и приступить к обеду. Вас пытаются возбудить против власти несколько зачинщиков. Некоторые из них мне уже известны и их ждет суровая кара. Как командир корабля, находящегося в отдельном плавании, я имею право применить к ним самые суровые меры».

После этого Голиков объявил, что все, кто желает теперь кушать борщ, должны выйти к 12-дюймовой башне, а кто не хочет, на тех у него найдется управа.

Первыми выполнили команду кондукторы, боцманы и большинство унтер-офицеров, всего человек двадцать. Первым вышел, пользовавшийся большим авторитетом, кондуктор Вакуленчук. Голиков еще раз повторил свой приказ. Тогда из строя вышло уже более полтора сотен человек. Позднее в потемкинской литературе, освещая этот скользкий момент, будут писать, что матросы, «боясь сами за себя, удерживали друг друга за рукава». В реальности представить такое невозможно, и правильно, потому что ничего подобного не было. На самом деле боевики Матюшенко удерживали остальных матросов в строю, применяя при этом физическую силу. Однако матросы все переходили и переходили. Тогда матюшенковцы начали применять для удержания матросов на своей стороне физическую силу. Увидев это, Голиков понял, что активистов надо изолировать от остальной команды и уже потом с ними разбираться, поэтому он приказал вызвать караул.

Прибыл караул. После этого почти вся команда бросилась к башне, т. е. туда, куда переходили те, кто был согласен обедать.

Отказников оказалось, по воспоминаниям очевидцев, всего каких-то человек тридцать – Матюшенко и его подручные. После этого Голиков приказал арестовать их и отправить в карцер для последующего разбирательства.

Историк Ю. Кардашев так описывает этот момент: «... Старший офицер И. Гиляровский, решивший, что если из строя выйдут все, то виновных не останется. “Караул, окружите их! Переписать их имена! – продолжал командовать он. – Остальным обедать!”»

Думается, что это и была первая ошибка, которую совершил капитан 2-го ранга Гиляровский, посчитавший, что буза уже закончилась и теперь осталось только наказать зачинщиков.

Прапорщик Ливинцев, боцман Зыбалов и фельдфебель Михайленко начали переписывать упорствующих. Часть не желавших обедать, поняв, что дела их плохи, попытались удрать через офицерский люк, но дорогу туда им преградил сам командир. После этого Голиков приказал команде следовать на обед.

* * *

Для Матюшенко наступил момент истины. Сдаться командованию значило получить, что называется, по полной программе, т. е. дело уже не могло закончиться для него только списанием с корабля, вопрос стоял как минимум об арестантских ротах. И Матюшенко принял решение рискнуть и поставить на кон все. Он решил попытаться спровоцировать открытый бунт. Для этого надо было действовать как можно быстрее и решительнее, т. к. каждая минута теперь работала против него.

Как только этот приказ следовать на обед прозвучал (это потом историки выдумают, будто Голиков приказал расстреливать матросов!), Матюшенко начал действовать и кричать: «Кто переписывает, тот будет висеть на рее сегодня с Голиковым!» и призывать к бузе.

В этот момент Гиляровский совершает вторую роковую ошибку и зачем-то приказывает принести на ют брезент с вельбота. Этим воспользовался Матюшенко, который сразу же начал кричать, что брезент несут для расстрела: «Братцы, нас сейчас будут расстреливать! Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!»

Брезент еще только выносили на ют, когда Матюшенко, сорвавшись с места, со своими сотоварищами с криками «ура» бросился в батарейную палубу, где стояли пирамиды с винтовками. Несшие брезент матросы, испугавшись, бросили брезент и разбежались. Матюшенковцы ворвались в батарейную палубу, взломали пирамиды. Первыми вооружились Матюшенко, Заулошнов, Резниченко, Шестидесятый, Гузь и анархист Бредихин. Но винтовки были без патронов, матюшенковцы стали требовать патронов. За ними в батарейную палубу устремилась часть команды из строя. Не было патронов, дверь оружейного погреба на замке, но машинный ученик Порфирий Глаголев, бывший слесарь Тульского оружейного завода, сбегал в машинное отделение, «принес зубило, молоток и сломал замок». Теперь у матросов были патроны. По другим сведениям, это сделал кочегар Медведев ломом, он же вытащил оттуда и цинки с патронами. Вскрывая цинки, Медведев и помогавшие ему кочегары Богданов и Фурсаев порезали руки в кровь. Матюшенковцы, быстро вооружившись, начали стучать прикладами о палубу. Это был сигнал оставшимся на палубе подельникам, что они уже вооружились.

Когда сторонники Матюшенко кинулись за оружием, капитан 1-го ранга Голиков крикнул в сторону батарейной палубы: «Кто не хочет участвовать с бунтовщиками, переходи ко мне!» Одновременно он распорядился дать сигнал общего сбора, а фельдфебелям вывести команду на ют.

В это время до продолжавших обед офицеров-механиков донесся громкий крик старшего офицера, вслед за этим послышался крик сотен голосов, всем стало очевидно, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Теперь находящимся в кают-компании было уж не до обеда.

Из воспоминаний находившихся в кают-компании офицеров: «Нестройный крик толпы, походивший на «ура», и топот ног, бегущих в батарейную палубу, откуда лишь треск разбиваемых пирамид». После этого прибежавший вахтенный квартирмейстер прокричал, что командир требует всех офицеров на ют.

Впоследствии штурман Гурин объяснял, что не мог идти на ют без фуражки, за которой якобы и побежал. Когда же взял фуражку, идти на ют уже не решился, а отправился на один из сигнальных постов. Младший артиллерийский офицер мичман Вахтин и старший механик Цветков также побежали в свои каюты, где взяли сабли. Когда они вернулись в кают-компанию, там уже было пусто. Тогда Вахтин решил переждать ситуацию в каземате 6-дюймового орудия, а Цветков спустился в машинное отделение.

Остальные четыре офицера (минный механик Заушевич, приехавший из Питера лейтенант Григорьев, инженер Николаевского завода Харкевич и поручик Коваленко) спрятались в каюте Коваленко и закрылись на ключ.

Оба врача, которых Голиков отправил с юта опечатывать борщ на камбуз, поняв, что все зашло слишком далеко, разбежались.

Что касается обедавшего в одиночестве за обеденным столом в командирском салоне полковника Шульца, то он перешел в отведенный ему для проживания адмиральский салон в ожидании развязки.

Вооруженный браунингом, на ют прибыл только гидравлический механик поручик Назаров. Из воспоминаний Назарова: «Я с лестницы, ведущей на спардек... глянул вниз и увидел... сбившихся в кучу матросов возле опущенных стволов в сильнейшем возбуждении, громко кричащих. В дверях, ведущих из закрытой батареи на шканцы, стоял лейтенант Тон. Я слышал, как он громко и внятно спросил: “Чего же вы хотите?” На что ответили ему дружным криком: “Свободы! Свободы!” Лейтенант Тон слегка усмехнулся и, как мне показалось, ответил словами: “Ну, этого не будет”. После этого шум и крики усилились...»

Следом за Назаровым на ют прибыли вахтенный начальник прапорщик Алексеев, вахтенный механик подпоручик Колужнов, младший минный офицер прапорщик Ястребцов и ревизор мичман Макаров.

На юте уже находились Голиков, Гиляровский, вахтенный офицер Ливинцев, старший минный офицер Тон и старший артиллерийский офицер Неупокоев. Рядом с ними стоял вооруженный караул из 12 матросов. Чуть поодаль стояли несколько сотен матросов, которые не желали бунтовать.

Только тогда Голиков приказал караулу зарядить ружья, а находящимся на шканцах офицерам – пересчитать всю оставшуюся в строю команду. Одновременно он распорядился кондукторам и фельдфебелям идти по всему кораблю и вызывать матросов на ют. В принципе решение это было правильным, потому что только так можно было бы собрать вокруг себя подавляющее большинство команды и дать отпор бунтовщикам. Но Голиков, увы, опоздал с этим решением.

Теперь ситуация для командира, офицеров и поддерживающих их матросов сложилась критическая. После захвата обоих входов на батарейную палубу и господствовавшего над ютом спардека они оказались начисто отрезаны от всего корабля. При этом офицеры находились на открытом пространстве, тогда как мятежники – в укрытии. Впрочем, оставался еще один люк, ведущий с юта в низы. Часть матросов кинулась туда, чтобы спрятаться, всего около полутора сотен человек.

В это время из батарейной палубы выбежал Матюшенко с криком: «Что вы, братцы, неужели в своих стрелять будете?» Разбив о палубу винтовку и бросив ее в сторону командира, он, крикнув: «Смотри, Голиков, будешь завтра висеть на ноке», – снова скрылся в батарейную палубу. Голиков приказал старшему офицеру вместе с караулом спуститься и поймать Матюшенко.

Матюшенко тоже не дремал, и у входа во внутренние помещения броненосца уже стояли его люди с винтовками на изготовку. Пытавшихся спуститься вниз капитана 2-го ранга Гиляровского и лейтенанта Неупокоева боевики вытолкнули прикладами.

Тогда попытку спуститься в батарейную палубу предпринял сам командир. Но дороге ему преградил Матюшенко. Далее между ними произошел приблизительно следующий диалог:

Голиков: Что тебе нужно? Поставь ружье!

Матюшенко: Я брошу тогда ружье, когда буду не живым существом, а трупом.

Голиков: Уходи с корабля!

Матюшенко: Это корабль народа, а не твой!

После этого Матюшенко метнул в командира винтовку, как копьем, чтобы попасть штыком, но промахнулся. Рядом с Матюшенко стояли его подельники: Шестидесятый, Гузь, Бредихин, Сыров и другие.

Из воспоминаний матроса Г. Хвостова: «Они (боевики. – В. Ш.) ругали командира матерными словами и кричали: “Голиков, завтра ты будешь повешен!”»

Часть караула еще оставалась верной командиру, и, когда матюшенковцы попытались в первый раз вырваться из батарейной палубы на ют, караул с примкнутыми штыками их загнал обратно вниз. Голиков приказал караульным стрелять в любого из бунтовщиков, кто попытается напасть на офицеров.

В это время матросы Н. П. Рыжий и Е. Р. Бредихин перерезали провода в радиорубке, чтобы не дать им возможности сообщить о бунте в Севастополь.

А из батарейной палубы снова выскочил Матюшенко и стал кричать караульным, агитируя их на свою сторону: «Что вы, братцы, в своих стрелять будете! Не стреляйте в нас, а бейте драконов!» При этом он призывал караул присоединиться к нему и его сторонникам.

Караульные матросы занервничали. Ситуация еще больше обострилась, так как, по существу, именно караул оставался последней надежной опорой Голикова. Командир приказывает одному из фельдфебелей вызвать миноносец к борту. Услышав этот приказ, матюшенковцы закричали, что выбросят за борт того, кто передаст сигнал. Тогда Голиков решил направить Гиляровского во главе караула к дверям батарейной палубы.

Что касается самого Гиляровского, то он в это время уже отвел за башню Вакуленчка для разговора о прекращении беспорядков.

Одновременно командир корабля призвал оставшихся на юте матросов не поддаваться на уговоры бунтарей, а остаться верными присяге. На призыв командира корабля откликнулась большая часть матросов, которые двинулись в сторону командира.

«Это был решительный и страшный момент, – признается в своих мемуарах Матюшенко. – Дело шло о жизни и смерти либо командующих офицеров, либо команды (?) Если бы офицеры остались в живых, они могли бы повернуть все дело в свою пользу, восстание за народную свободу было бы проиграно, и команда попала бы под расстрел». Под словом «команда» вдохновитель мятежа в данном случае подразумевает себя и своих сторонников.

* * *

...И в это время неожиданно для всех раздается выстрел. Как выяснилось позднее, это кочегар Никишкин, заполучив винтовку, решил пальнуть ради озорства из нее по чайкам на баке. Вслед за этим выстрелом раздался выстрел со стороны мятежников. Стоявший рядом с прапорщиком Алексеевым лейтенант Неупокоев упал на палубу. Стоявшие рядом бросились врассыпную. Кто в точности стрелял в Неупокоева, так и осталось неизвестным. Матюшенко позднее всеми силами будет доказывать, что в Неупокоева стрелял Вакуленчук: «Товарищ Вакуленчук побежал за Неупокоевым и почти на бегу выстрелил в него; тот упал с простреленной головой за адмиральский полубронированный люк».

Если по версии Матюшенко Вакуленчука смертельно ранил Гиляровский, то, по другим показаниям, в него стрелял сам Матюшенко. Но зачем тогда Матюшенко врать? Какая

ему разница, сколько он убил офицеров, одним больше, одним меньше, зачем озвучивать версию, что первым начал бойню не он, а Вакуленчук?

Логика в версии Матюшенко есть, и версия эта железная. Как увидим дальше, у него для этого были свои серьезные причины. Да и не мог Вакуленчук стрелять в Неупокоева, т. к. в этот момент, по свидетельству всех других очевидцев, он общался со старшим офицером за кормовой башей главного калибра.

Затем прозвучало еще несколько выстрелов в толпу. Еще несколько человек были убиты и ранены. Позднее эти выстрелы пытались свалить на офицеров корабля. Однако фамилии стрелявших офицеров почему-то никогда никем не называются. Но зачем же было Голикову и офицерам стрелять в матросов, которые откликнулись на призыв командира? По всей видимости, несколько провокационных выстрелов в толпу произвели сторонники Матюшенко, захватившие к этому времени винтовки у матросов караула. Выстрелы и падающие товарищи произвели на команду жуткое впечатление, и вся матросская масса сразу же бросилась врассыпную в нижние помещения.

Вскоре наверху остались в основном подручные Матюшенко и офицеры, после чего и началась расправа над последними. В это время со спардека также раздались ружейные выстрелы. Это подручные Матюшенко прицельными выстрелами убили лейтенанта Неупокоева и часового у кормового флага. Мятеж начался! Находившиеся на шканцах матросы в панике бросились к люку адмиральского помещения, куда спустился командир Голиков.

Любопытные показания оставил кочегарный квартирмейстер Евтихий Рубан, показав, что в начале мятежа спросил кочегара Валобуева, зачем ему оружие, на что тот ответил, что оружие раздается по приказу судовой комиссии «надежной команде с тем, что если кто будет сопротивляться комиссии, то чтобы убить его».

О какой судовой комиссии рассказывает Е. Рубан, совершенно непонятно, ведь известная судовая комиссия «Потемкина» была создана лишь после захвата власти на корабле, а здесь речь идет о комиссии, которая готовила мятеж и им руководила. Заметим, что больше об этой таинственной комиссии никто никогда больше не проговаривался. Наличие данной руководящей структуры у мятежников разом отменяет все утверждения о стихийности событий на «Потемкине». И такое свидетельство не единично.

Из показания помощника кока Самочкина следует, что в начале мятежа на камбуз зашел помощник кока Рыженков с винтовкой, который сказал, что «винтовку ему дали и приказали стрелять, но он не стрелял, а только ходил с винтовкой».

По юту металась сотня людей, пытаюсь найти спасение от выстрелов, которые раздавались все чаще и чаще. При этом матюшенковцы кричали «Убит! Убит!», чем еще больше увеличивали панику. По воспоминаниям поручика Назарова матросы бросались в командирский люк, так что образовали пробку, через которую невозможно было пробиться. Другая часть матросов метнулась к флагштоку. Оказавшийся в этой толпе мичман Макаров был ее напором сброшен за борт.

Вместе с остальными поддавшись всеобщей панике, разбежался и караул. Мятежники между тем вырвались на верхнюю палубу, причем весьма организованно – сразу из двух дверей батарейной палубы, с криком: «Бей тех, у кого нет винтовки!» Это значило, что они были готовы убивать не только офицеров, но и не поддержавших их матросов. Первыми выбежали на шканцы с оружием комендор Иван Задорожный, минный машинист Тихон Мартьянов, матросы Александр Заулошнов, Сергей Гузь и Федор Гуцаев.

Есть сведения, что по людям в воде в азарте стреляли даже из 47-мм пушки. Правда, совершенно непонятно, откуда у орудия оказались патроны.

Что касается капитана 2-го ранга Гиляровского, то он так и остался стоять за кормовой башней. Недалеко от него держались и три последних матроса караула. Матюшенко,

крича: «Довольно они нас вешали, будем их вешать!», бросился за кормовую артиллерийскую башню. Последние караульные, увидев Матюшенко с винтовкой, разбежались.

Кто и когда «вешал» Матюшенко, об этом история умалчивает, но то, что сам Матюшенко будет вешать, в этом можно было не сомневаться!

Далее описания событий, происшедших за кормовой артиллерийской башней, разнятся. По одной из версий, в это время капитан 2-го ранга Гиляровский, спасаясь от пуль, с тремя оставшимися рядом с ним матросами караула попытался уйти под прикрытие башни. Но из батарейной палубы якобы выскочил матрос Вакуленчук с винтовкой в руках. Заметив целившегося в него Вакуленчука, Гиляровский будто бы выхватил из рук караульного винтовку и выстрелил в матроса. Раненый Вакуленчук отбежал к борту и, потеряв равновесие, упал в воду. В это время со спардека раздался новый залп, которым был убит Гиляровский. По другой версии, в Гиляровского стрелял Матюшенко. Есть свидетельства, что, уже будучи раненым и лежа на палубе, Гиляровский кричал Матюшенко: «Я с тобой, мерзавец, еще посчитаюсь!» Подбежавшие к нему подручные Матюшенко добились старшего офицера несколькими выстрелами в упор и выбросили за борт.

Как бы то ни было, но почему-то одновременно за кормовой артбашней оказались сразу трое – старший офицер корабля капитан 2-го ранга Гиляровский, Вакуленчук и Матюшенко. Тому, что там произошло дальше, у нас будет посвящена отдельная глава. Пока же скажем, что в результате происшедшего за артбашней был убит Гиляровский, смертельно ранен Вакуленчук, Матюшенко же несколько не пострадал.

В это время мятежники заполнили ют, сгоняя в кучу остальных матросов. Запасшись пачками патронов, они разделились на группы и начали поиски разбежавшихся офицеров. Часть отправилась в офицерский коридор, проверить офицерские каюты. Прятавшиеся там офицеры, поняв, что пришел их черед, попытались спастись вплавь.

Историк потемкинских событий, причем явно симпатизирующий матюшенковцам, Б. И. Гаврилов своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «Из группы обреченных раздались голоса: “Ваше высокоблагородие, не стреляйте, мы не бунтовщики!” Все напряженно ждали, что будет дальше. Зловещую тишину разорвал призыв А. Н. Матюшенко: “Братцы, что они делают с нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!”»

Революционные моряки с криками “ура!” бросились на батарейную палубу и схватили винтовки. Но патронов не было. Несколько обойм, спрятанных заранее за иконой Николая Угодника, разобрали моментально. Тогда машинный ученик П. И. Глаголев взломал замок оружейного погреба, а подручный хозяина трюмных отсеков Я. Медведев вынес оттуда патроны. В ответ на растерянный вопрос лейтенанта В. К. Тона: “Чего же вы хотите?” – десятки гневных голосов грянули: “Свободы!”

На ходу заряжая винтовки, вооруженные матросы разъяренным потоком разлились по верхней палубе. В числе первых были машинисты А. С. Зиновьев и Ф. Я. Кашугин, минные машинисты Т. Г. Мартьянов, Н. Хохряков и И. П. Шестидесятый, кочегары В. А. Зиновьев и В. Б. Пригорницкий, плотник И. П. Кобцы, ложник К. Н. Савотченко, матросы С. Я. Гузь, А. Н. Заулошнов, А. П. Сыров, Н. С. Фурсаев, комендоры И. П. Задорожный и Ф. И. Пятаков.

Пытаясь остановить их, старший офицер И. И. Гиляровский кинулся к левому проходу с батарейной палубы. А. Н. Матюшенко ударил его прикладом по ноге. Испуганный Гиляровский метнулся к Б. Н. Голикову: “Что же это делается, Евгений Николаевич?! Что же это делается?!”

А. Н. Матюшенко метнул в командира штык, но не попал. Б. Н. Голиков приказал строевому квартирмейстеру А. Я. Денчику взять часть караула и собрать всех матросов, на которых можно положиться. Денчик отобрал восемь караульных, но не успели они двинуться с места, как раздались выстрелы.

Первый выстрел – в воздух – сделал трюмный В.З. Никишкин, а третьим был убит лейтенант Л. К. Неупокоев.

Матросы кричали караулу: «Братцы, не стреляйте, ведь все мы братья!» Караул разбежался, но старший офицер И. И. Гиляровский успел взять у одного из караульных винтовку и укрыться за башней».

* * *

Между тем офицеры и матросы стали бросаться за борт, пытаясь вплавь добраться до стоявшего за кормой миноносца. По ним сразу же стали стрелять «матюшенковцы», убив лейтенанта Григорьева, прапорщика Ливенцева и несколько матросов. Потом мятежники обвинят в их гибели офицеров.

Командир корабля Голиков, прапорщики Ливенцев и Алексеев заперлись в адмиральском салоне. Понимая, что долго там им не продержаться, они решили прыгнуть в море и попытаться доплыть до миноносца. Первым прыгнул в воду прапорщик Ливенцев и сразу же был убит несколькими выстрелами с палубы. Прапорщик Алексеев впоследствии вспоминал, что из окна адмиральского салона он видел, что в море плавают несколько десятков человек, по которым непрерывно стреляют с корабля. Наверху мятежники винтовками отгоняли от борта молодых матросов, которые также хотели броситься в воду. Они кричали: «Не прыгать! Все равно в воде всех перебьем!»

В своей каюте укрылся и вахтенный механик подпоручик Калюжнов, который решил до конца защищать жизнь своим единственным оружием – кортиком.

Тем временем заговорщики, вооруженные винтовками, стали собираться на шканцах, ободряя команду и уговаривая ее продолжать бунт. После этого началась кровавая расправа над офицерами, о которой мы ниже поговорим отдельно. Когда часть офицеров была зверски убита, а остальные, раненые или избитые, заперты в одной из кают, Матюшенко стал полновластным хозяином корабля.

Всего во время мятежа было убито шесть офицеров и восемь матросов. Много было и раненых.

В пылу захвата корабля потемкинцы не обращали внимания на миноноску, стоявшую в десяти метрах по левому борту броненосца. Там же все происшедшее на «Потемкине», разумеется, наблюдал вахтенный миноносца № 267 (миноносец помимо номера имел еще и собственное название – «Измаил»). Вахтенный немедленно доложил командиру Клодту, что на броненосце происходит бунт. Выскочив наверх и убедившись в правильности доклада, лейтенант Клодт решил сняться с якоря и уйти от броненосца. Случайно с «Потемкина» заметили, что миноноска, до которой удалось доплыть некоторым офицерам, пытается сняться с якоря. По ней открыли стрельбу из винтовок. Несмотря на огонь, командир миноноски приказал выбрать якорный канат. Но канат захлестнулся на вьюшке. Командир попробовал оборвать его, дав задний ход, но безрезультатно. Для того чтобы не дать миноноске уйти, потемкинцы сделали по ней три выстрела из 47-миллиметровой пушки. Один из снарядов пробил дымовую трубу. После этого с миноноски передали семафором: «Присоединяюсь к «Потемкину»».

По требованию потемкинцев командир миноноски лейтенант П. М. Клодт фон Юргенсбург развернул ее кормой к броненосцу, а затем на лодке отправился на «Потемкин».

Лейтенант Клодт, не желая подвергать миноносец обстрелу, отправился на броненосец. Здесь он увидел новоиспеченного командира Алексева и толпу матросов, которые предложили ему исполнять обязанности старшего офицера. Клодт решительно отказался. Тогда с него сорвали погоны, избili и связали. В версии советских историков эти события были представлены по-иному: дескать, команда миноносца, увидев происходящее на броненосце,

сама примкнула к бунтовщикам. На самом деле миноносец был попросту захвачен под прицелом направленных на него орудий броненосца.

После этого с броненосца на миноноску перешли два машиниста, два кочегара, рулевой и еще около десяти вооруженных винтовками матросов. Караул арестовал офицеров и вернулся на броненосец. Но потемкинские машинисты, кочегары и рулевой в дальнейшем почти постоянно находились на борту миноноски, заменив соответствующих специалистов. Вероятно, потемкинцы не доверяли команде миноноски и поэтому держали на ней своих людей, которые не только стояли вахты и наблюдали за настроением команды, но также вели революционную агитацию.

Историк Б. И. Гаврилов пишет: «Восставшие заняли важнейшие посты на корабле в соответствии с заранее намеченным планом (значит, план все же был и мятеж не являлся стихийным!. – В. III.). В то время как революционные моряки бросились за оружием, часть команды, более 200 человек, преимущественно новобранцы, в растерянности металась по палубе. Их пытался хоть как-то организовать член одной из революционных групп Я. Л. Горбунов. Командир Е. Н. Голиков, еще на что-то надеясь, приказал офицерам Д. П. Алексееву, Н. Я. Лизинцеву, А. Н. Макарову и Н. С. Ястребцову переписать фамилии не желающих бунтовать новобранцев, которых пытался поднять Горбунов. На миноноску он распорядился передать приказ подойти к “Потемкину”. Но, едва фельдфебель В. И. Михайленко начал передавать это распоряжение, послышался крик: “Кто семафорит, тот будет, как гадина, выброшен за борт!” Б. Н. Голиков рассчитывал бежать на миноноске вместе с офицерами. Но было поздно. Офицеры стали бросаться за борт. За ними последовала часть несознательных матросов.

Пока наверху команда расправлялась с офицерами, кочегары и машинисты под руководством С. А. Денисенко и Е. К. Резниченко, выполняя план восстания, готовили корабль к походу. Машинные кондукторы не оказали восставшим никакого сопротивления. Специально выделенные матросы периодически информировали кочегаров и машинистов о ходе вооруженной борьбы на верхней палубе. Машинисты собирали разобранные накануне машины.

А тем временем старший инженер-механик броненосца подполковник корпуса инженер-механиков флота Н. Я. Цветков пробрался в кочегарку. Он приказал хозяину трюмных отсеков К. Давиденко затопить пороховые погреба, так как по всему кораблю прошел слух о готовящемся взрыве броненосца. С. А. Денисенко, появившийся в кочегарке вслед за Н. Я. Цветковым, сообщил кочегарам о ходе восстания, убедил их в ложности слуха о взрыве и велел разводиться пары. Надежные матросы встали на караульные посты у всех клапанов затопления».

Позднее мятежники пустят слух, будто бы это пытался взорвать броненосец его командир капитан 1-го ранга Голиков, чтобы разом покончить со всеми. Скорее всего, эта «утка» произрастает именно из попытки механика Цветкова затопить водой артпогреба.

* * *

После того как власть на корабле окончательно перешла в руки мятежников, Матюшенко велел собрать «авторитетов», чтобы выслушать их предложения о дальнейших действиях. Некоторые предлагали тут же взорвать броненосец, другие – уходить в иностранный порт, третьи – идти с повинной в Севастополь. Затем слово взял сам Матюшенко и объявил, что броненосец пойдет в Одессу, где его уже ждут восставшие рабочие. После этого на верхней палубе был собран митинг, где Матюшенко снова объявил о походе в Одессу, там же для руководства всеми делами была избрана корабельная комиссия, возглавил которую, разумеется, сам же Матюшенко.

Историк Гаврилов пишет: «Членов комиссии выбрали из наиболее авторитетных, технически грамотных и преданных общему делу товарищей. Кандидатуры для утверждения по списку, составленному социал-демократами, предлагал команде В. П. Кулик. Точный состав комиссии неизвестен. Все писавшие мемуары называют совершенно разное число ее членов. А. П. Березовский определял число ее членов в 22–25 человек, К. И. Фельдман – в 32, С. Ф. Найда и некоторые другие – в 15, а П. П. Гришин считал, что состав комиссии доходил до 36 человек. Столь значительное расхождение вызывается тем, что на заседаниях комиссии обычно присутствовали не только ее постоянные члены, но и многие другие политически активные матросы, формально не входившие в состав комиссии».

Есть данные, что судовая комиссия насчитывала даже 65 человек. Любопытная особенность – если полистать послереволюционные мемуары потемкинцев, то окажется, что все они или входили в состав судовой комиссии, или хотя бы принимали участие в некоторых ее заседаниях. Разумеется, перед нами пример того, как желаемое выдается ветеранами за действительное во имя собственного престижа. На самом деле главные вопросы решала отнюдь не аморфная судовая комиссия, а Матюшенко с его ближайшим окружением.

По наблюдениям поручика Коваленко, на «Потемкине» «...людей решительно настроенных, готовых стоять до конца, было человек полтора, между ними душ пятьдесят были, кроме того, люди совершенно сознательные и более или менее развитые... Явно враждебных революционному направлению было душ семьдесят во главе с кондукторами и, пожалуй, прапорщиком Алексеевым. Остальная часть команды, хотя и была... в общем, проникнута революционным настроением, однако совершенно не была воспитана в этом направлении и потому являлась элементом весьма неустойчивым».

Анализируя личности лидеров мятежа, необходимо отметить, что это были в основном унтер-офицеры срочной службы, говоря современным языком старшины. Унтер-офицерами были и Матюшенко, и Денисенко. Практически из одних унтер-офицеров состояла и созданная Матюшенко судовая комиссия. Так что на самом деле, говоря о потемкинском мятеже, более корректно называть его не матросским, а унтер-офицерским. Именно группа старослужащих унтер-офицеров и захватила власть на корабле. Что касается рядовых матросов, то для них ситуация изменилась лишь в худшую сторону. Никаких прав на корабле они не приобрели, что такое революция и для чего она вообще нужна, понимали смутно. Уже вечером после мятежа начали раздаваться первые голоса за то, чтобы освободить оставшихся в живых офицеров и идти в Севастополь с повинной. Однако об этом говорилось лишь шепотом, подальше от членов судовой комиссии и других активистов.

Ни о какой демократии в выборах нового руководства речи тоже не шло. Все решали сам Матюшенко и его ближайшее окружение. Именно поэтому Матюшенко сам себя и определил в руководители судовой комиссии, в состав которой тоже вошли его дружки. Команда, потрясенная всем случившимся, что называется, безмолвствовала... Ни о какой демократии не могло быть и речи, с точки зрения Матюшенко, и в остальных делах. На корабле с первого дня была установлена самая настоящая диктатура небольшой группы лиц, которые взяли себе право не только решать возникающие проблемы, но и карать непослушных. Из воспоминаний машинного унтер-офицера Денисенко: «В машинном отделении были собраны все машинисты. Им были объяснены все достижения матросов и предложено как можно тщательней выполнять свои обязанности; машинисты были также предупреждены о том, что в случае халатного отношения к своим работам их ожидают строгие наказания (!)...» Этот факт говорит о том, что машинистам недвусмысленно угрожали расправой в случае их неприсоединения к Матюшенко, это означает, что власть на броненосце перешла вовсе не ко всей команде (мнением которой никто особо и не интересовался), а к группе заговорщиков во главе с Матюшенко, которые немедленно и стали претворять в жизнь свой собственный «Одесский план».

Так как командовать броненосцем Матюшенко не мог, он назначил командиром «Потемкина» прапорщика Алексева, кондуктора Мурзака – старшим офицером, кондуктора Шопоренко – артиллерийским офицером, а квартирмейстеров Волгина и Коровенского – вахтенными начальниками. Общее «политическое» руководство взялся осуществлять, разумеется, сам Матюшенко.

Спустя пять часов после начала восстания «Потемкин», бросив на произвол судьбы так и не законченные установки щиты, снялся с якоря и взял курс на Одессу. На этом переходе мятежники выбрали из своей среды комиссию, которая должна была управлять всеми судовыми делами и корабельной кассой.

Глава четвертая. За что убивали офицеров

Итак, мятеж на «Потемкине» начался с массового убийства офицеров корабля. Подобное в российском флоте произошло впервые за всю его историю, а потому на этом необходимо остановиться отдельно.

Разумеется, идеализировать морской офицерский корпус России было бы совершенно неправильно. В отношении офицеров к матросам в определенной мере сказывалась и кастовость Морского корпуса, куда брали, прежде всего, сыновей офицеров и дворян. Как и в любом другом флоте (в том числе и советском), в российском императорском флоте тоже встречались различные люди. Попадались гордые и холодные аристократы, не видящие матросов в упор, были настоящие мужлань, которые если и не били матроса кулаком в лицо, то унижали его бранью и презрительными кличками, были вообще ничемные и бездарные личности. Но ни те, ни другие, ни третьи не определяли офицерского корпуса в целом, так как основу его составляли преданные флоту и Отечеству люди, понимавшие матросов и видевшие в них, прежде всего, защитников Отечества и своих боевых товарищей. Таких настоящих флотских офицеров было подавляющее большинство. Подавляющее большинство таких офицеров было и на «Потемкине». Отметим сразу, что личное отношение матросов к тем или иным офицерам на «Потемкине» никакого влияния на развитие событий на броненосце не имело. Все было предрешиено заранее, и даже если бы на месте одних офицеров броненосца оказались другие, пусть даже самые демократичные и либеральные, это ничего бы не изменило.

Из общего числа офицеров во время мятежа на корабле матросы убили семерых: командира броненосца капитана 1-го ранга Голикова, старшего офицера капитана 2-го ранга Гиляровского, лейтенантов Григорьева, Неупкоева, Тона, прапорщика Ливинцева и судового врача Смирнова.

* * *

Начиная разговор о зверской расправе над офицерами «Потемкина», необходимо отдельно сказать о командире «Потемкина» Евгении Николаевиче Голикове, чье имя и по сей день оболгано историей. По понятным причинам в советское время никогда ничего хорошего о нем не говорили. И не зря! Дело в том, что никаким «держимордой» командир «Потемкина» не был, а наоборот, являлся одним из храбрейших боевых офицеров российского флота. Официальный историк С. Найда о расправе с Голиковым говорит скороговоркой: дескать, командир был убит во время самого восстания. Это неправда! Голикова убили позднее, когда никакой надобности в этом не было! Почему убили? По двум причинам. Во-первых, убивали главного свидетеля, а во-вторых, надо было повязать команду кровью.

Имя командира броненосца «Потемкин» Евгения Николаевича Голикова оболгано историей. А ведь это был один из выдающихся офицеров своей эпохи! Уже юным мичманом Евгений Голиков отважно сражался с турками на Дунае в 1877–1878 годах, вначале на минных катерах, которые бесстрашно ходили в атаку на турецкие броненосцы, а потом на мониторе «Систово». В 1880–1881 годах он принял предложение капитана 2-го ранга Макарова участвовать с ним в экспедиции в Среднюю Азию. Во время похода Голиков командовал ракетной установкой. Вместе с другими участниками экспедиции он мужественно переносил все тяжести похода по безжизненной пустыне и проявил отвагу при штурме неприступного Геок-Тепе. После окончания Ахалтекинской экспедиции, завершившейся взятием Геок-Тепе и присоединением Ахалтекинского оазиса к России, генерал М. Д. Скобелев, покидая

Красноводск, издал следующий приказ: «Расформирование морской батареи и возвращение господ офицеров к своим частям по случаю окончания военных действий дает мне случай вновь высказать по долгу службы господам офицерам и молодцам матросам то искреннее уважение, которое внушили они боевым товарищам... В обстановке, для них совершенно чуждой, моряки еще раз доказали, как в незабвенные дни Севастополя и турецкой войны, что им по плечу все славное, доблестное, молодецкое. Участвуя во всех крупных делах экспедиции, морская батарея показала себя на высоте доблестных преданий нашего флота и кровью закрепила за собой свою заслуженную славу. От глубины всего сердца и убеждения благодарю флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Макарова, командира батареи лейтенанта Шемана, мичманов Голикова и Майера. Молодцам матросам еще раз спасибо: они доблестно исполнили долг присяги и службы и гордо могут смотреть в глаза товарищам». За участие в Ахалтекинском походе молодой офицер был удостоен Анны 4-й степени «за храбрость», а за штурм Геок-Тепе – орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом – для мичмана награда очень и очень высокая!

Затем Голиков служил в гвардейском экипаже и несколько лет был флаг-офицером в плаваниях на императорских яхтах. Интеллигентный, грамотный и умный лейтенант пришелся по душе императору Александру III, и тот всегда с удовольствием брал его с собой в море. Именно тогда будущий командир «Потемкина» достаточно близко познакомился и с будущим императором Николаем, который относился к флаг-офицеру с большим уважением и запросто называл его Женей. В 1883 году Голиков был на коронации Александра III в Москве, что являлось большим доверием со стороны царствующей семьи. Однако придворная служба не удовлетворяла боевого офицера, и в 1885 году он переводится на Черноморский флот старшим офицером на канонерскую лодку «Уралец». Несмотря на расположение императора, делать карьеру настоящему моряку надо было все же на боевых кораблях. А затем началось многолетнее командование Голиковым различными кораблями и судами: транспорт «Псезуапэ» и шхуна «Гонец», броненосец береговой обороны «Новгород» и судно «Эриклик», канонерская лодка «Уралец» и транспорт «Березань». При этом Голиков являлся признанным знатоком парусного спорта. В 1888 году Голиков стал инициатором создания яхт-клуба в Николаеве и первым его руководителем.

В 1903 году Голиков получил назначение на достраиваемый эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический». С началом Русско-японской войны вице-адмирал Макаров запросил Морское министерство прислать Голикова к нему в Порт-Артур (кроме Голикова он просил прислать к нему капитана 1-го ранга Миклуху и нескольких других офицеров, которых лично знал по боевым делам в Турецкую войну). Однако капитан 1-го ранга Голиков был оставлен на Черном море. Дело в том, что никто тогда еще не знал, как пойдет война, и в министерстве имелся план посылки на Дальний Восток отряда черноморских кораблей, и в т. ч. и «Потемкина». Когда же этот поход был отменен, Голикову был поручен скорейший ввод сильнейшего броненосца Черноморского флота в боевой состав, чем, собственно, летом 1905 года он и занимался.

В воспоминаниях матюшенковца Н. Рыжего командир броненосца Голиков предстает таким: «...Выше среднего роста, борода с проседью в форме лопатки, тупое выражение лица, манеры аристократа». Насчет манер аристократа спорить сложно, но вот насчет «тупого выражения лица» имеются сомнения. На дошедшем до нас портрете Е. Голикова у него, наоборот, на редкость интеллигентное и приятное лицо. Впрочем, для матроса Н. Рыжего идеалом интеллектуала, видимо, был прибалтийский корабельный «пахан» Матюшенко.

И. И. Пономарев в книге «Герои “Потемкина”» пишет: «Голиков... озверел. Он перестал уезжать на ночь домой, оставался на броненосце и каждую ночь обходил кубрики. Голиков наполовину сократил команде время на обед и стирку белья. Матросы вынуждены были

стирать по ночам. С утра до вечера матросов гоняли то на ученья, то на работы. По приказанию Голикова ввели ежедневное мытье палуб с протиркой песком. Матросов избивали за самые малейшие проступки. Ухудшилось их питание».

О питании мы уже говорили. Командир, который в день мятежа договаривается с местными рыбаками о поставке на корабль большого количества свежей рыбы для улучшения матросского стола, – это, скажу я вам (как человек, прослуживший в российском ВМФ более 30 лет), очень и очень заботливый командир. А в чем же остальные зверства Голикова? В том, что мало сходил с корабля и все силы отдавал приведению корабля в нормальное боевое состояние? Командир обходил по ночам кубрики! Так это, кстати, вообще вменялось в обязанность офицерам на советском флоте! Голиков делал это по собственной инициативе, что тоже говорит о нем только как о трудолюбивом и ответственном командире. То, что с утра до вечера на корабле игрались учения и проводились работы, так для этого, собственно, матросы и служат, а не для того, чтобы валяться пузом кверху на палубе. О ежедневном мытье палубы я уже молчу! Корабль на то и корабль, чтобы на нем ежедневно проводилась приборка, причем несколько раз! Так происходит на всех кораблях нашего ВМФ и сегодня! Насчет избиений позволю себе вообще не согласиться с Пономаревым, так как даже при всей своей предвзятости ни один из реальных потемкинцев в своих мемуарах не привел ни одного акта избиения матроса офицерами броненосца. Увы, книга И. Пономарева «Герои “Потемкина”» – одно из многих историко-фантастических произведений на «потемкинскую» тему.

Отметим, что помимо командования кораблем Голиков серьезно занимался расчетами организации централизованной стрельбы отрядом кораблей в морском бою. Именно из-за отсутствия такой централизации в ведении огня в определенной мере было проиграно Цусимское сражение. После смерти Голикова его работу продолжит контр-адмирал Цывинский. Результаты этой деятельности будут потрясающими, и к началу Первой мировой войны российский флот стрелял точнее всех в мире. К 1905 году по возрасту, прохождению службы и заслугам капитан 1-го ранга Голиков был уже вполне достоин контр-адмиральских эполет. Скорее всего, все так бы и произошло, если бы не трагические события июля 1905 года.

Над командиром броненосца, как мы уже знаем, была утроена самая настоящая показательная казнь. Мало кому известно, но у Матюшенко с Голиковым, как оказалось, были свои старые счеты. Дело в том, что в 1903 году Матюшенко служил под началом Голикова на транспорте «Березань», тогда Матюшенко тоже пытался спровоцировать команду на бунт из-за якобы плохого обеда. Но командир судна в тот раз успокоил матросов, и авторитет Матюшенко был серьезно подорван. Теперь для него настала минута мести.

Капитан 1-го ранга Е. Н. Голиков вел себя в день мятежа отчаянно храбро. Да, он знал, что потенциальные мятежники только и ищут предлога для бузы, поэтому был настроен решительно. Единственно, что он не мог предположить, что все обернется большой кровью, ибо ничего подобного в истории российского флота еще никогда не было. Из описания историка Ю. П. Карташева: «Когда выяснилось, что, несмотря на заключение врача и приказ командира, матросы все равно отказываются от еды, распорядился построить команду на юте... Он сказал матросам, что это уже не первый случай коллективного отказа от пищи, и заявил, что, как командир находящегося в отдельном плавании корабля, пользуется особыми правами и может жестоко наказать зачинщиков протеста... Пытался помешать захвату оружия. Посылал с этой целью в батарейную палубу, где хранились винтовки, сначала кондукторов, затем офицеров, а когда это не помогло, пошел туда сам, но был выгнан матросами. Один из них – минно-машинный квартирмейстер А. Н. Матюшенко бросил в командира винтовку, штык от которой упал рядом с офицером. Предпринял попытку собрать вокруг себя “не желающих бунтовать” матросов, но их собралось только несколько десятков человек... С началом стрельбы прятался в адмиральском салоне. По требованию матросов вынужден

был выйти на верхнюю палубу, где его встретили криками... расстрелян группой матросов на месте, тело выброшено за борт».

Думаю, что слова «прятался в адмиральском салоне» не слишком справедливы. Спрятаться можно, к примеру, в артпогребе, в бункере с углем, наконец, междудонном пространстве, но никак в адмиральском салоне. Скорее всего, не видя возможности сделать что-то реальное для подавления мятежа, Голиков просто удалился в салон.

Будучи не только лично храбрым человеком, Голиков до самых последних минут своей жизни оставался и заботливым командиром, заботящимся о своих матросах. Из воспоминаний матроса К. М. Перелыгина: «Ученик кочегара Староверов для своего спасения спустился по борту почти в воду, но не мог там долго держаться, так как и туда попадали пули. Командир заметил этого матроса и приказал ему как-нибудь взобраться к иллюминатору, где ему помогли пролезть другие товарищи. Он был так рад, что бросился всех спасших его целовать».

Вот так, всюду свистят пули, вокруг убивают офицеров, самому Голикову остается жить какие-то минуты, а он занимается спасением молоденького матросика. Что и говорить, перед нами образец выполнения своего воинского долга настоящим русским офицером!

Из матросских описаний совершенно непонятно, как Голиков смог уйти с палубы в каюту (да и был ли он там вообще?), уже после того как Матюшенко метнул в него штыком, когда тот отдавал запоздалый приказ строевому квартирмейстеру А. Я. Денчику отобрать надежных караульных (тот собрал таких всего восемь человек).

Б. И. Гаврилов со слов матросов пишет: «Командира Голикова Е. Н. матросы нашли раздетым в адмиральской каюте, где он собирался прыгнуть в море через иллюминатор. Он валялся в ногах у А. Н. Матюшенко, умоляя о пощаде. Его вывели на палубу и расстреляли».

Из воспоминаний потемкинца Н. Рыжего: «Капитан Голиков был выведен из своей каюты в одном белье... Голиков был расстрелян».

Из воспоминаний потемкинца И. Старцева: «Потом вытащили командира Голикова из его каюты голым, он хотел выброситься в иллюминатор и спастись от казни народной. Когда его вытащили, он начал креститься... В этот момент раздался крик машиниста Резниченко: “Расступись!” Раздался выстрел, и Голиков падает...»

Вспоминает потемкинец матрос Е. Лакий: «Тут закричали: “Давай командира!” Его нашли, вывели наверх раздетого и расстреляли его». Совершенно очевидно, что вошедшие в раж палачи раздели Голикова исключительно ради глумления.

Потемкинец И. Лычев живописует расправу над командиром корабля так: «Голиков. Этот безгранично жестокий старик, лишь несколько минут назад державшийся как всемогущий “царь и бог”, повелевавший жизнью и смертью сотен матросов, сразу преобразился в немощного старца. Он ползал на коленях перед Матюшенко, умоляя его о пощаде, клялся, что никогда больше не посмеет обидеть ни одного матроса. Этот жалкий, подлый трус, только что собиравшийся зверски убить тридцать матросов за отказ есть гнилое мясо, теперь просил их даровать ему жизнь. Голикова после краткого суда расстреляли. Его тело полетело в море под дружный крик сотен голосов...»

Из воспоминаний потемкинца М. Лебедева: «Началась вполне заслуженная кара над офицерами корабля... Грянул залп, и пронизанный десятками пуль труп самодура-командира полетел за борт». Обратите внимание на слова «десятки пуль». Откуда эти десятки? Все дело в том, что убийство командира корабля Матюшенко обставил особо. Дело в том, что подавляющее большинство молодых матросов все еще сомневались в правильности происходящего. Поэтому новобранцев силой согнали в кучу и раздали им винтовки. После этого Матюшенко и его подручные вывели избитого и раздетого догола Голикова, которого поставили у борта. Некоторые матросы уговаривали Матюшенко не расстреливать командира, но их разогнали прикладами. Голиков хотел было что-то сказать матросам, но Матюшенко уда-

ром кулака выбил ему зубы. Затем по команде Матюшенко матросы подняли винтовки и разом выстрелили в своего командира. Думается, большинство стреляли мимо или вообще не стреляли. Но это было уже неважно. Отныне все они были повязаны командирской кровью, и обратного пути у них уже не было. По некоторым воспоминаниям, после залпа Голиков был все еще жив и его добил все тот же Матюшенко, после чего тело командира корабля было выброшено в море.

К. Фельдман в своей книге «Броненосец “Потемкин”», повторяя с чужих слов истории о червивом мясе, о брезенте и о подготовке к расстрелу, сочиняет собственный фантастический рассказ, который, с его точки зрения, должен был оправдать зверское убийство командира корабля. По версии Фельдмана, Голиков, дескать, намеревался взорвать некую крьюйт-камеру (возможно, так он именовал артпогреб, где хранились заряды к 305-мм снарядам) на броненосце, но, мол, бдительные матросы этого сделать ему не позволили. При этом они обиделись на своего командира и за это его расстреляли. Как мог затевать Голиков взрыв «крьюйт-камеры», когда его обнаружили в собственной каюте?

Все сказанное о капитане 1-го ранга Голикове – наглое и подлое вранье. На самом деле Евгений Николаевич Голиков бежать никуда не собирался, как не собирался взрывать свой корабль, ну и тем более ни у кого в ногах не валялся. Офицер, храбро отвоевавший две войны, не мог валяться в ногах у мятежников! Помните слова Скобелева о Голикове, что он после своих подвигов может «гордо смотреть в глаза товарищам». Я уверен, что командир «Потемкина» так же гордо смотрел в глаза и своим палачам.

* * *

В потемкинской историографии традиционно принято также считать, что первой жертвой восстания стал артиллерийский квартирмейстер Г. И. Вакуленчук, которого убил старший офицер капитан 2-го ранга И. И. Гиляровский. Авторы советского времени всегда подчеркивали это.

Относительно убийства И. Гиляровского историк Ю. П. Кардашев, к примеру, пишет следующие: «Во время разбирательства претензии вместе с вахтенным офицером прапорщиком Н. Я. Ливенцевым задержал в строю около 30 “бунтовщиков”, приказал переписать их имена, вызвать на верхнюю палубу караул и принести брезент. Для каких целей нужен был ему брезент, осталось неизвестным. Приказы старшего офицера были восприняты командой, как подготовка к расстрелу... матросы бросились в батарейную палубу, где находились пирамиды с винтовками. Предпринимал попытки успокоить команду и помешать матросам вооружиться, но был выгнан из батарейной палубы, при этом минно-машинный квартирмейстер А. Н. Матюшенко ударил его винтовкой. Когда вооруженные матросы начали стрелять по офицерам и выбежали на ют, в завязавшейся схватке выстрелил в артиллерийского квартирмейстера Г. Н. Вакуленчука. По его приказу одновременно с ним в Г. Н. Вакуленчука стреляли начальник караула строевой квартирмейстер А. Я. Денчик и два матроса из состава караула. Чья пуля попала в Г. Н. Вакуленчука – неизвестно. Убит восставшими, тело выброшено за борт».

Более того, режиссер С. Эйзенштейн показал в фильме его смерть как результат преследования вооруженным офицером безоружного матроса. На первый взгляд вопрос о том, кто был убит первым в начавшемся восстании, как будто не имеет принципиального значения. Однако это не так. Г. Н. Вакуленчук с самого начала был представлен восставшими как жертва произвола, что и вызвало их ответную реакцию. Таким его считали не только руководители восстания, таким его восприняли бастовавшая Одесса и печать левых партий. Жертвой произвола он был назван и в литературе советского времени. Как говорят факты, ни руководителем восстания, ни тем более жертвой офицерского произвола Вакуленчук не был.

В действительности первой жертвой восстания был не матрос, а офицер. В самом начале восстания был убит лейтенант Л. К. Неупокоев, а уже потом произошла и таинственная история с Вакуленчуком – в него, по версии Матюшенко, стреляли И. И. Гиляровский, а также начальник караула А. Я. Денчик и два матроса из состава караула, но убийство Вакуленчука – это отдельная тема.

Имя капитана 2-го ранга Ипполита Гиляровского, как и имя командира «Потемкина», тоже, к сожалению, оболгано историей. Должность старшего офицера (старпома) по своим функциональным обязанностям не предусматривает любовь команды. Если командир корабля может позволить себе быть либералом, то старший офицер должен быть деспотом и диктатором в организации всех аспектов корабельной службы. Думаю, служившие на флоте меня поймут. Много или мало требовал с матросов Гиляровский? Наверное, столько, сколько надо. Заметим, что он перед самой войной был переведен с Дальнего Востока с должности старшего офицера броненосного крейсера «Громобой». Новое назначение не было случайностью. «Потемкин» готовился к возможному походу на Тихий океан, и офицер с опытом океанских плаваний был на нем просто необходим.

Кстати, капитан 2-го ранга Ипполит Гиляровский являлся двоюродным братом Владимира Гиляровского, знаменитого «дяди Гиляя», которого знала вся Россия, друга Чехова, Куприна, Бунина, знатока московского «дна», талантливого писателя и актера. О семье Гиляровских писали, что в ней рождались люди цельные, сильные, своеобразные.

Возможно, что в последние дни перед мятежом Гиляровский и срывался на матросах. Не дай вам бог оказаться на его месте... Почти каждый день капитан 2-го ранга узнавал все новые и новые имена погибших друзей. Помимо этого буквально месяцем раньше произошла и страшная личная трагедия. Гиляровский еще не успел обзавестись квартирой в Севастополе, и семья жила в Ревеле. У старшего офицера «Потемкина» было три сына, умные и талантливые, воспитанные отцом на примерах офицерской чести. Старший был гардемаринном выпускного курса Морского корпуса, а два младших близнеца, наоборот, только что туда поступили. В отпуске они пригласили знакомых гимназисток покататься на лодке на озере Юлемисте. Когда же внезапный шквал перевернул лодку, мальчики отважно кинулись спасать своих спутниц и спасли, но при этом все трое утонули. Лишиться разом трех сыновей – такого не пожелаешь и злейшему врагу!

Труп Голикова случайно обнаружит в море у Евпатории транспорт «Гонец» в начале августа 1905 года. На таллинском кладбище Александра Невского прежде была могила со сломанным якорем. На фронтоне камня четыре мраморных медальона, на которых изображены лица трех погибших мальчиков и их отца. В могиле лежат три сына Гиляровского, для него самого могилой стало Черное море. Памятник поставили безутешная вдова и верные друзья. Теперь уж этой могилы нет, она разрушена...

* * *

Матюшенко в своих воспоминаниях писал, что первой жертвой среди офицеров стал лейтенант Неупокоев, которого якобы убил Вакуленчук: «Товарищ Вакуленчук побежал за Неупокоевым и почти на бегу выстрелил в него; тот упал с простреленной головой за адмиральский полубронированный люк».

Если по версии Матюшенко Вакуленчука смертельно ранил Гиляровский, то по показаниям других потемкинцев в лейтенанта стрелял сам Матюшенко. Но зачем тогда Матюшенко врать? Какая ему разница, сколько он убил офицеров, одним больше, одним меньше, зачем озвучивать версию, что первым начал бойню не он, а Вакуленчук? Логика в версии Матюшенко есть, и логика эта железная. Но об этом наш разговор еще впереди.

На первом этапе мятежа взрыв озлобления матросов «Потемкина» в значительной мере носил в себе все признаки стихийного и дикого, подогреваемого экстремистами матюшенковцами. При этом, однако, не будем забывать, что сам мятеж стихийным отнюдь не был. Все подготовлено и спланировано было заранее. При этом матросы в ряде случаев сводили личные счеты со своими начальниками. Именно так поступил тот же Матюшенко, убивший старшего минного офицера лейтенанта Тона. Строевой инструктор Сыров, лишенный командиром корабля своей должности за драку, кричал, стреляя в капитана 1-го ранга Голикова: «Ты меня разжаловал в матросы, так теперь же умри!» Кочегар Чича вбежал в кочегарку с криком: «Дайте кондуктора Бордюкова, я его разорву!» Машинист 2-й статьи Шевченко кричал своему другу квартирмейстеру Денисенко: «Дай, пойду хоть одного офицера убью!» Причем кричал Шевченко не просто так, а действительно затем самым активным образом участвовал в убийстве трех офицеров.

После публичной казни командира «Потемкина» расправа над офицерами продолжилась. Матюшенко еще не насытился пролитой кровью.

– Тащите сюда мне еще какого-нибудь офицера! – велел он, войдя в раж.

На палубу к онемевшей от ужаса команде притащили избитого лейтенанта Тона. Матюшенко потребовал, чтобы тот снял погоны. На это Тон ответил: «Дурак, не ты их мне надел, не тебе их с меня и снимать». Матюшенко ткнул Тона в погоны: «Напились крови, а вот и вам пришел конец». С этими словами он отступил на несколько шагов и выстрелил в лейтенанта. Упав навзничь, Тон пытался достать револьвер, но стоявшие рядом подручные «пахана» тут же сделали по нему несколько выстрелов. Не удовлетворившись этим, Матюшенко (по одной из версий) на глазах всей команды размозжил лейтенанту голову прикладом винтовки, назидательно сказав при этом: «Так будет с каждым, кто пойдет против революции!»

Тело лейтенанта Тона также было выброшено за борт.

Отечественные историки, пытаясь хоть как-то приукрасить жуткие события на «Потемкине», писали, что добрые мятежники хотели было поначалу вообще выбрать Тона своим командиром, так они его, мол, любили! Но лейтенант оказался каким-то несговорчивым. К тому же он публично послал Матюшенко куда подальше, ну и тот, надо понимать, сильно обиделся... Впоследствии говорили, что Тон якобы даже первым выхватил револьвер и направил его на Матюшенко. Но ловкий Матюшенко успел выстрелить в Тона первым (дескать, Тон сам во всем виноват).

Есть и еще более изощренные выдумки. Из воспоминаний потемкинца И. Старцева: «Потом подняли наверх на ют с батареей палубы правого борта лейтенанта Тона. Он хотел взорвать пороховые и патронные камеры (таких на броненосце никогда не было. – В. III.). Но так как провода (какие провода, откуда? – В. III.) заблаговременно (!) были перерезаны, то взорвать не удалось. Матюшенко приказывает снять погоны. Тон выхватывает в судорожном состоянии из кобуры револьвер и хочет выстрелить в Матюшенко, но Матюшенко выстрелил из винтовки, и револьвер выпал из руки Тона».

Потемкинец И. Лычев в своей книге воспоминаний «Потемкинцы» буквально упивается рассказом о своем участии в убийстве офицеров: «Офицеры настолько перепугались, что даже не пытались применить оружие. Лишь один из них, лейтенант Толя (так у Лычева, на самом деле, разумеется, это был лейтенант Тон. – В. III.), командовавший минными аппаратами, бросился в минное отделение, чтобы взорвать броненосец, но матросы заметили это и вовремя схватили Толя, вытащили его на палубу. Матюшенко обратился к нему с предложением: “Если хочешь быть с нами, то останешься в живых”. В ответ он услышал – “дурак”, и над головой Матюшенко просвистела пуля. Матюшенко тут же застрелил Толя. Чтоб избежать матросского гнева, большинство офицеров искало спасения в бегстве, бросились за борт. Вслед за ними бросились в море и некоторые кондуктора. Мы перенесли огонь за борт,

начав обстреливать беглецов. Офицеры продолжали плыть. Их обстреливали до тех пор, пока они не скрывались под водой».

Здесь тоже полное вранье. Дело в том, что в минном отделении взрывать было нечего, так как зарядные отделения самодвижущихся мин (торпед) хранились в отдельном минном погребе.

Остальные же офицеры тоже были убиты самым зверским образом. При этом никто из них практически (за исключением разве что Гиляровского) даже не пытался сопротивляться.

Из воспоминаний потемкинца С. Токарева: «Офицеры до того перепугались, что многие даже не пытались стрелять (дело в том, что при себе револьверы были далеко не у всех. – *В. III.*). Некоторые офицеры сопротивлялись, но были расстреляны. Некоторые бросились в воду. Они искали спасения, но пули догоняли их».

Чтобы хоть как-то оправдать изуверскую расправу над беззащитными офицерами, в советское время придумывалась всевозможная чушь, лишь бы их опорочить. Вот один из образчиков таких «исследований»: «...Н. Ф. Григорьев и Н. Я. Ливенцев были убиты в воде при попытке добраться до миноноски». Дескать, сами и виноваты, нечего было убегать, да еще плыть на миноносец, чтобы дальше пакостить! Разумеется, офицеры прыгали в воду! А что бы вы делали, когда за вами бы гонялся с винторезами Матюшенко со своими друзьями?

Из воспоминаний кораблестроителя гарантийного механика А. Харкевича, спрятавшегося в каюте с механиком Заушевичем, Коваленко и лейтенантом Григорьевым: «...Почти у всех нас мелькнула одна и та же мысль – за борт! Мы были убеждены, что если промедлим хоть минуту, то тут же будем перебиты как зайцы. Внимание наше сосредоточилось на окне, выходявшем на батарею. Мигом выбито стекло и выворочены медные прутья. На батарее пока никого не было. Мы бросились к полупортикам 75-мм орудий, по стволу орудий вылезли наружу и спрыгнули на нижний броневой уступ, на уровне 6-дюймовых пушек. Здесь спешно разделись и стали прыгать в воду. Первым прыгнул Коваленко, за ним, почти касаясь друг друга, Григорьев и я. В этот момент к амбразуре хлынула толпа матросов с криком: “Бей его, это старший офицер...” Это было явное недоразумение. Очевидно, часть команды еще не знала, что старший офицер был первым убит на шканцах, тут же их ввело в заблуждение некоторое физическое сходство между мною и старшим офицером. Заушевич прыгнуть за борт не успел и был захвачен матросами. Когда после прыжка я выбрался на поверхность, то увидел рядом с собой тяжело плывущего Григорьева, а в нескольких саженях впереди голову Коваленко, быстро удалявшегося от корабля. Сзади трещали выстрелы. Пули кругом взрывали воду. Вдруг Григорьев издал какой-то странный звук, голова его и вода кругом окрасились кровью и несчастный пошел ко дну».

Что касается Харкевича и Коваленко, то им удалось доплыть до артиллерийского щита и, взобравшись на него, ждать решения своей судьбы. Несколько позже оба были сняты шлюпкой с «Потемкина» и доставлены на корабль.

Не все понятно и со смертью лейтенанта Неупокоева. В начале мятежа Неупокоев находился на юте рядом с Гиляровским. По официальной версии и ряду воспоминаний, он был там же убит из винтовки кем-то из выскочивших наверх вооруженных мятежников. К примеру, потемкинец Н. Рыжий вспоминает: «Восстановить порядок пытался только... помощник капитан 2-го ранга Гиляровский и лейтенант Неупокоев, которые и были расстреляны немедленно (не убиты, а именно расстреляны. – *В. III.*), а остальные офицеры были арестованы».

По версии историка Б. И. Гаврилова, старшего артиллерийского офицера лейтенанта Л. К. Неупокоева убили первым из офицеров. Его гибель описана так: «...Денчик (строевой квартирмейстер. – *В. III.*) отобрал восемь караульных, но не успели они двинуться с места, как раздались выстрелы. Первый выстрел – в воздух – сделал трюмный В. Никишин, а третьим был убит лейтенант Л. Неупокоев». В книге Ю. М. Чернова «Мятежный броненосец»

это описано несколько иначе: «Патроны, спрятанные за иконой Николая Угодника, пригодились Василию Никишкину. Он погнался за лейтенантом Неупокоевым, который взвел пистолет, но выстрелить не успел – Никишкин его опередил. Не ясна его роль в начальный период событий на юте».

Однако матрос Г. Полторацкий описывает куда более жуткую смерть этого храброго офицера: «В каземате лейтенант Неупокоев не давал матросам брать винтовки. Его убили прикладами».

Из кают-компания бунтовщики вытащили мичмана Вахтина, которого тут же забили ногами и стульями (!) до полусмерти. Но, на его счастье, рядом не оказалось Матюшенко, а потому, избив мичмана, добивать его матросы все же не стали, а бросили. Мичман Вахтин от удара прикладами по голове «впал в бессознательное состояние». Очнувшись, он спрятался под столом в кают-компания, чтобы не быть выброшенным за борт. Чудом выжил.

Что касается судового священника иеромонаха 65-летнего отца Пармена, то и он едва остался в живых. В момент мятежа старик иеромонах обедал в кают-компания. По собственному его показанию, по сигналу общего сбора он вышел в коридор, где неожиданно какой-то матрос с криком «Бей попа!», нанес ему три удара прикладом «в левую челюсть, в правую руку и подмышку левого бока». Прятался старик в артиллерийском каземате. Матросы обещали отца Пармена расстрелять. Несмотря на угрозы расправы, он в этот же день причащал раненого старшего врача Смирнова и артиллерийского квартирмейстера Вакуленчука.

Не дали матросы убить Матюшенко и мичмана Макарова, доставившего на броненосец злополучное мясо, которого команда любила за доброе отношение и заботу. Не решившись на открытый конфликт, Матюшенко на сей раз отступил.

Из воспоминаний кораблестроителя гарантийного механика А. Харкевича: «Вдруг за кормой произошло движение. Группа матросов бросилась туда и вытащила на палубу мичмана Макарова, пытавшегося вплавь добраться до миноносца. Утихшие было зверские инстинкты проснулись вновь, и жизнь Макарова повисла на волоске. Но в толпе раздались решительные крики: “Довольно крови!” – и Макаров был спасен».

Раненный в начале мятежа на палубе в живот врач Смирнов кое-как добрался до своей каюты и лег на койку. Фельдшер Бринк пытался оказать ему помощь, но его выгнали. Расправиться с врачом пожелал сам «пахан». С юмором профессионального живодера Матюшенко поинтересовался у истекающего кровью: «Ну, что, мясо-то хорошее было? Вот мы тебя сейчас на котлеты и изрубим». По его приказу матросы вытащили стонущего Смирнова на верхнюю палубу и с криком: «Раз, два, три» – выбросили еще живого за борт. После этого пытавшегося плыть Смирнова добила выстрелом в голову. Остальные офицеры и кондукторы были избиты прикладами и ногами, связаны и заперты в кают-компания. Матюшенко и его помощники к этому времени уже просто подустали от кровавых дел и решили передохнуть.

Вот как убивали корабельного врача согласно версии историка И. И. Пономарева: «А где же доктор? – спросил кто-то. Доктор Смирнов в момент восстания скрылся в своей каюте, сделал бритвой надрез на теле и, обмазавшись кровью, притворился тяжелораненым. Восставшие выволокли доктора на палубу, на суд народный. Он также был расстрелян».

По другой версии, врача убивали подручные Матюшенко: квартирмейстер Курилов, рулевой Самойленко и матрос второй статьи Фурсаев. Они якобы вытащили тяжелораненого Смирнова наверх. «Мясо хорошее?» – кричали ему. «Нет», – ответил врач. «Что же ты сказал, что хорошее?..» Смирнов не нашел ответа, и мятежники, подняв его на штыки, выбросили в море. Есть другие варианты предсмертного глумления над врачом, но суть их примерно та же.

Есть свидетельства, что инициатором выбросить за борт доктора Смирнова был его непосредственный подчиненный санитар Черницын. Он же лично и выбросил раненого док-

тора в море. Этот же Черницын, озорства ради, стрелял из винтовки и в офицерские каюты. Смирнов еще живым выброшен за борт во время перехода броненосца от Тендры в Одессу. По некоторым свидетельствам, руки врача были связаны.

Верный матюшенковец Лычев расправу над Смирновым в своих мемуарах описал так: «Суд был краток и единодушен: “За борт подлеца!” – и Смирнов полетел в море. А чтобы ему не пришлось долго плавать, один из матросов пустил ему вслед пулю с напутствием: “Ты нас заставлял есть червей, теперь сам покорми рыб!”»

В ряде мемуаров и исторических работ к истории убийства подошли более творчески. Дело в том, что как ни крути, а зверское убийство врача не красит даже самых продвинутых революционеров – ведь врач он и есть врач! Поэтому, чтобы хоть как-то оправдать убийство доктора Смирнова, был придуман поистине иезуитский ход. Уже знакомый нам историк Ю. Кардашев пишет, что врач Смирнов сам себе нанес рану ножом (!), сделав надрез на коже живота». Прямо не корабельный врач, а самурай, делающий себе харакири. Сделал он это якобы для того, чтобы притвориться раненым и вызвать к себе жалость у мятежников, вот ведь какой подлюга! Ну как такого не прикончить!

Вспоминает матрос Г. Полторацкий: «Доктор Смирнов для спасения себя сделал себе вмятку самострел и спрятался в лазарет. Доктора Смирнова выбросили за борт».

На самом деле, разумеется, никаких самострелов и надрезов себе Смирнов не делал. Он был вначале тяжело ранен в живот штыком (в лазарете ему делал перевязку корабельный фельдшер), а потом зверски добит все тем же Матюшенко и его дружками. При этом в своей «самурайской» выдумке Ю. Кардашев отнюдь не оригинален, а просто повторяет «утку», рассказанную бывшим матюшенковцем И. Лычевым. Тот принимал самое активное участие в расправе с офицерами, а спустя годы, как мог, оправдывался в своих мемуарах.

Как здесь не вспомнить знаменитый революционный лозунг: «Дело прочно, когда под ним струится кровь!»

Пытались убить мятежники и младшего врача корабля А. С. Голенко. Сбежавшиеся матросы стреляли в младшего врача Голенко и по тем, кто пытался спастись в море. Один из них, по собственному признанию, выпустил по плавающим в воде офицерам и матросам 40 пуль. Однако стрелками матросы были неважными, в Голенко они промахнулись. Около семи часов он прятался в рулевом отделении под цистерной с маслом. По его показаниям, от жары и волнения младший врач находился в полуобморочном состоянии и был обнаружен матросами во время перехода броненосца от Тендры к Одессе. Поначалу найденного Голенко хотели снова расстрелять, но потом решили, что врач на корабле все же будет нужен. Забегая вперед, отметим, что поведение младшего врача Голенко в дни мятежа вообще было достаточно странным – он то вроде бы поддерживал мятежников, то пытался организовать заговоры с целью ареста главарей мятежа. И сейчас историки затрудняются дать однозначную оценку деятельности Голенко. Что касается властей, то они решили однозначно – Голенко с флота изгнать, чина лишить и никогда обратно не возвращать.

Помимо семи убитых офицеров большинство остальных было ранено и практически все были зверски избиты. Оставшихся в живых офицеров заперли в одной из кают, пообещав завтрашний расстрел. После этого начался повальный грабеж офицерских кают и расхищение вещей убитых матросов.

Выше мы уже описали личное участие Афанасия Матюшенко в издевательствах и казнях офицеров. Картина его зверств выглядела настолько жутко, что в советское время историки всеми силами пытались замолчать его деяния – уж больно страшно все выглядело даже по революционным меркам. Отсюда и скороговорка историка С. Найды и других. Понять можно, правдивое описание только издевательства над офицерами сразу бы сорвало весь флер романтизма с палача Матюшенко и его подручных.

По воспоминаниям очевидцев, Матюшенко все время кричал: «Довольно они нас вешали, будем их вешать!» Где и когда Матюшенко видел, чтобы в русском флоте вешали матросов, пусть даже самых нерадивых, я, честно говоря, не знаю. Думаю, не мог знать этого и Матюшенко. Кричал же он эту ахиною исключительно для того, чтобы хоть как-то снять с себя ответственность за намеченные им убийства офицеров корабля.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что убийства офицеров, причем убийства зверские и публичные, были запланированы заранее, еще до начала мятежа. При этом о какой-либо конкретной мести речь вообще не шла. Дело было в ином. Необходимо было ошеломить команду «Потемкина» пролитой кровью и дать понять каждому, что обратного пути после совершенного ни у кого уже нет. Все они участники и соучастники совершенных преступлений, и никакого снисхождения им уже не будет, а потому все отныне должны быть послушны новым вожакам и идти за ними до конца.

* * *

После захвата власти на корабле мятежники разыскали и вывели на верхнюю палубу сверхсрочников кондукторов. Матросы решали – убивать их или оставить в живых. За расстрел кондукторов, естественно, был Матюшенко, но большинство матросов заявили, что без сверхсрочников им будет трудно управлять кораблем, к тому же уже хватит крови. Из показаний минного кондуктора Акима Лесового: «Когда я вышел наверх, то увидел, на кнехте среди команды стоял с ружьем Матюшенко. Матюшенко, увидев меня, подозвал меня, и когда я подошел, с меня сорвали сзади погоны. Матюшенко спросил у команды: убивать меня или нет, раздалось несколько голосов, чтобы убить, и тогда Матюшенко... крикнул: “Расступись!” – сзади меня команда разбежалась, а Матюшенко и Сыров, стоявший возле него, нацелились в меня. Я схватил их за винтовки, подойдя к ним, и спросил у команды, за что меня убивают, тогда несколько голосов раздалось, что не надо убивать, я опустил ружье Сырова, который его убрал и продолжал спрашивать команду, пока команда опять меня не окружила, и тогда опустил винтовку Матюшенко. Матюшенко приказал меня арестовать».

Матюшенко просил команду расстрелять и артиллерийского кондуктора Шопарева, но матросы не согласились. Ученик машиниста матрос А. Н. Заулошнов все порывался застрелить боцмана Зыбалова, но и его удержали.

До конца остался верен присяге строевой квартирмейстер Александр Денчик, пытаясь защитить офицеров. Матюшенко выбил у него из руки винтовку, пообещав, что он с ним расправится позднее. Каким-то чудом остались в живых машинный кондуктор П. Г. Бардюков и сигнальный боцманмат Фридрих Веденмеер.

На протяжении многих лет в трудах по восстанию на «Потемкине» факт того, что потемкинцы не перебили кондукторов корабля – сверхсрочников, специалистов, прослуживших на флоте по 15–20 лет, подавался образцом революционной гуманности и даже излишней мягкотелости. При этом обычно писали так: «Подавляющее большинство их было верными помощниками и слугами офицеров, являясь связующим звеном между офицерами и нижними чинами. Им вменялось в обязанность следить за “порядком” на корабле и доносить на всех подозрительных и политически неблагонадежных матросов. За это они пользовались рядом привилегий, имели даже свою кают-компанию. Некоторые матросы требовали расправиться с кондукторами так же, как и с офицерами. Но часть команды выступила против, и великодушно предложила простить их, поверив лживому обещанию во всем повиноваться восставшим и честно нести службу. Дальнейшие события показали, как дорого заплатили матросы за свое великодушие».

На самом деле ни о каком великодушии речи и быть не могло. «За прошлые обиды» матросы преследовали по всему кораблю боцманов, фельдфебелей, кондукторов, избивали

их, выводили на суд команды и угрожали расстрелом. Кондукторам была уготована та же участь, как и офицерам, если бы матросы могли сами управлять кораблем. Сборная команда со всего флота с большим количеством новобранцев была не в состоянии управлять кораблем и его эксплуатировать. Это могли обеспечить исключительно сверхсрочные унтер-офицеры, только поэтому они и были оставлены в живых.

При этом традиционно (опять же бездоказательно) считается, что группа противников восстания на «Потемкине» была относительно немногочисленна и состояла из 10 кондукторов и 60–70 матросов, в основном новобранцев. Оформленной организации эта группа создать не успела, но наиболее активные ее члены, сознательные враги восстания – прежде всего сверхсрочники-кондуктора и часть матросов, – устраивали тайные сходки. Возглавлял контрреволюционеров прапорщик Д. П. Алексеев, назначенный потемкинцами командиром корабля. Эта группа, если верить мемуарам потемкинцев, «вела активную агитацию, занималась провокациями и вредительством».

Историк Ю. П. Кардашев, откровенно симпатизирующий мятежникам, дает сверхсрочнослужащим «Потемкина» следующую характеристику: «Сверхсрочники корабля, исполнявшие обязанности младших командиров – боцманов, фельдфебелей, кондукторов, более определенно, чем офицеры, проявили свое отношение к восставшим». Эта небольшая по численности группа, составлявшая всего 16 человек, занимала особое положение среди личного состава корабля. Получая в отличие от рядовых матросов различные льготы и привилегии, они стали открытыми или тайными противниками восстания. Оставленные на броненосце по решению судовой комиссии сверхсрочники всячески вредили восставшим. Отказывались от выполнения своих обязанностей, уговаривали матросов не подчиняться распоряжениям руководителей восстания, вели переговоры со сверхсрочниками броненосца «Георгий Победоносец» с целью захвата власти на восставших кораблях и уводе их в Севастополь. Тайно составляли списки активных участников восстания, планировали арест судовой комиссии и выступали против эмиграции команды. Все они вернулись в Россию сразу же после высадки матросов в Румынии и выступили свидетелями на суде по делу о восстании, назвав имена практически всех его участников».

Вызывает уважение, что сверхсрочники-кондукторы, едва не погибнув от рук мятежников, фактически сразу же возглавили реальную оппозиционную работу на мятежном корабле, стремясь восстановить законную власть.

Забегая вперед, скажем, что машинный кондуктор П. Г. Бардюков, которого едва не расстреляли в день мятежа, пытался в Констанце изгнать с корабля будущего знаменитого троцкиста Х. Раковского, а также осточертевшего матросам А. Березовского. Храбро вел себя сигнальный боцманмат Фридрих Веденмеер. Вначале его намеревались убить вместе с офицерами, но потом решили оставить в живых, как специалиста. Все время пытался организовать сопротивление мятежу и арестовать вожаков. Отказывался исполнять приказы Матюшенко и его сообщников, поднимать сигнальные флаги, якобы сообщил артиллеристам во время обстрела Одессы неверные данные дистанции до цели – дома командующего округом.

Во время перехода из Феодосии в Румынию Веденмеер вместе с Алексеевым был обвинен в попытке повернуть броненосец на Севастополь и едва не был выброшен за борт. В Констанце именно он собрал и передал секретные сигнальные книги командиру судна «Псе-зуап» капитану 2-го ранга Н. Н. Банову.

Что касается строевого квартирмейстера А. Денчика, то он впоследствии тайно составил список активных участников мятежа. Вернулся в Севастополь из Констанцы. «Я команды не знал и, уже потом, наводил справки о тех людях, которых заметил с винтовками и патронами, я их всех записал в книжечку, которую теперь вам передаю». В своей книжке Денчик указал 77 фамилий активных мятежников.

Итак, из 746 человек команды в восстании активно участвовали около 280–300, неустойчивую позицию занимали около 400 человек и около 70 человек являлись противниками восстания. Революционные матросы прекрасно знали всех «контрреволюционеров» и теоретически могли бы применить к ним «самые решительные меры, не ограничиваясь агитацией на митингах». Однако они не сделали этого, но, как мы понимаем, совсем не от своей доброты. Просто они прекрасно понимали, что, только начни они вслед за массовым убийством офицеров также убивать сначала кондукторов, а потом и просто всех с ними не согласных, их самих быстро перебьют. Правда, матюшенковцы постановили было избавиться от главных своих врагов – кондукторов, но это решение, принятое уже в конце восстания, так и не было исполнено. Да и не могло быть исполнено, т. к. без профессиональных специалистов матросы были просто не в состоянии обслуживать сложную корабельную технику. Тем самым оказались не осуществлены «рекомендации» «Централки», которые якобы предусматривали поголовную ликвидацию всех контрреволюционных элементов.

Всего в команде «Потемкина» на момент мятежа было 763 матроса и 12 кондукторов. Из них пять матросов погибли, еще 12 было ранено. Однако известно, что офицеры в матросов не стреляли и ни один из них (о смерти Вакуленчука мы будем говорить еще отдельно) от офицерских пуль не погиб. Кто же убивал и ранил матросов на «Потемкине»? Ответ напрашивается сам собой – Матюшенко и его подручные. Отдельные историки пытаются говорить о неких «шальных пулях». Но это явная ложь! Убить и ранить случайно 17 человек не так-то просто. На самом деле это были матросы, которые не просто не желали участвовать в мятеже, но и активно противодействовали его началу. Скорее всего, это были люди из окружения Вакуленчука. С ними и расправились под шумок. Известны некоторые имена убитых: комендор Шевелев, матросы второй статьи Эгель, Османский и Татаренко и трех раненых – Грязцов, Сложеница и Пригорницкий (Прогорницкий). Впрочем, в ряде источников говорится о 30 погибших во время мятежа матросах. При этом, правда, фамилии их не приводятся.

* * *

А как вообще жилось матросам на «Потемкине», как обстояло дело с питанием? Не голодали ли они? Вообще, нормы питания на кораблях российского флота в начале XX века были весьма высокими, почти в полтора раза выше, чем у солдат. При этом физически матросы работали гораздо меньше, чем солдаты, в основном во время погрузки угля и боезапаса. Однако и на время таких авральных работ существовал специальный повышенный рацион с увеличенными порциями мяса.

В этой связи весьма полезно приглядеться к матросам в фильме Эйзенштейна. В центре кадра у него то и дело появляются «оголодавшие матросы» с такими потрясающе толстыми лицами и двойными подбородками, что с трудом верится, чтобы оные битюги чего-то где-то недоедали. Форменки на них просто трещат! Что касается офицеров в фильме, то они, напротив, все на редкость тщедушны, а потому зритель совсем не удивляется, почему толстые матросы так легко побеждают своих худосочных начальников.

Относительно ситуации с питанием на «Потемкине» есть два свидетельства. Первое изложил историк Б. И. Гаврилов своей книге «В борьбе за свободу»: «В мае на инспекторском смотре команда “Потемкина” доказала инспекторам, что офицеры на корабле ежедневно воруют 50 матросских пайков. Впервые подобная претензия была высказана еще в 1904 г. Но и теперь заявление матросов ни к чему не привело. Члены команды высказали также возмущение негодным мясом и червивыми сухарями, но безрезультатно. 18 мая потемкинцы вновь выразили недовольство качеством хлеба и крупы, на этот раз командир корабля назначил комиссию для расследования. Она признала справедливость высказанных требова-

ний, и качество хлеба было улучшено. Причина уступок командира заключалась, вероятно, в том, что к этому времени Е. Н. Голиков получил первое анонимное письмо о подготовке восстания и решил лишний раз не озлоблять матросов».

Что касается возмущения историка Б. И. Гаврилова относительно воровства пайков, то здесь все поставлено с ног на голову: разумеется, офицеры «Потемкина» никаких пайков не воровали. Дело в том, что иногда кают-компания вполне законно обращалась к корабельному ревизору, и тот для улучшения питания за плату по казенным расценкам действительно выдавал ей некоторое количество пайков. О таком случае на крейсере «Изумруд» во время Цусимского похода, в частности, рассказывает в своих мемуарах врач с крейсера «Аврора» Кравченко. Это было удобно и офицерам, так как не надо было ломать голову, что и где купить, и ревизору, который официально проводил этот обмен по ведомостям. При этом, конечно, никакого ухудшения матросского стола не происходило, так как продовольственные пайки офицеры выкупали не из числа матросских пайков. Помимо этого во время достройки на «Потемкине» присутствовала масса специалистов и рабочих, которые «доводили» корабль. Всех их надо было кормить. На всех них выделялись продпайки. Причем оформлялись они так же, как оформлялось питание прикомандированных матросов и офицеров на советском и нынешнем российском флоте. Человек прибывает на корабль, имея на руках продовольственный аттестат, равный одному пайку. По аттестату его ставят на довольствие. Если же у прибывшего такого аттестата нет, то он просто вносит командировочные деньги в корабельную кассу, фактически выкупая свой продпайек, после чего питается наравне со всеми. Поэтому 50 продпайков – это, скорее всего, именно пайки, выделяемые для работавших на броненосце специалистов. Заявление о незаконности кормежки рабочих было откровенным обманом не разбирающихся в тонкостях расчетов матросов, которых кто-то подзуживал. Именно поэтому никакой реакции на эти «претензии» и не последовало.

18 мая команда выразила недовольство качеством хлеба и крупы. По другой версии, вопрос об улучшении качества поставляемых на корабль продуктов подняли офицеры. Голиков немедленно назначил комиссию для расследования. Комиссия признала справедливость требований. После этого командир принял все меры для улучшения качества провизии, предъявив претензии к тыловым службам флота. Так что вопросами улучшения питания на корабле занимались.

Любопытное свидетельство оставил нам инженер-механик Александр Коваленко, который оказался единственным офицером, добровольно присоединившимся к восставшим, в своих воспоминаниях, опубликованных в «Литературно-научном вестнике» во Львове в 1906 году, писал: «...Вообще матросу живется совсем неплохо... обычная еда команды хорошая. Я, как и много кто из офицеров, часто охотно ел матросский борщ. Правда, бывали иногда, как я заметил, случаи неудовольствия команды мясом или маслом, но они были отдельные и всегда происходили от случайного недосмотра. Тяжелым трудом матросы не обременены: обычный рабочий день не более восьми часов. В отношениях офицеров к команде постепенно завелся тот тон, который не только не позволяет им прибегать к кулачной расправе, но и вынуждает их оставаться в определенных рамках корректности. Даже те, которых очень немного между ними и которые, безусловно, являются исключением из них, что были бы не прочь припомнить иногда старину, вынуждены сдерживать себя: во-первых, из страха перед высшим начальством, которое скорее из осторожности, чем из каких-либо гуманных мотивов, обуславливает офицерам необходимость некой тактичности в отношениях к “нижнему чину”, а во-вторых, из чувства неловкости перед товарищами».

Кому, спрашивается, верить, историку Гаврилову или непосредственному участнику событий поручику Коваленко, которому что-либо выдумывать не было никакого резона? Я больше верю в данном случае Коваленко. А потому, на мой взгляд, вывод однозначен – офи-

церов на «Потемкине» убивали вовсе не из-за сведения каких-то личных счетов, а только потому, что так надо было организаторам бунта – цель оправдывала средства...

* * *

Однако смерти офицерам на «Потемкине» желали далеко не все матросы. Одних заставляли участвовать в мятеже насильно, и они вынуждены были уступить силе, другие проявили твердость и остались людьми. Фактически реальным участником мятежа был лишь каждый третий из числа матросов. Колеблющаяся масса, составлявшая, согласно расчетам историка Ю. П. Кардашева, более 500 человек, во время мятежа оставалась достаточно инертной, а впоследствии вообще постепенно стала выходить из повиновения боевиков. Это был своеобразный барометр, который с каждым новым днем демонстрировал приближение контрреволюционной бури.

Тот же историк Ю. П. Кардашев на основе собственного анализа ситуации во время мятежа пишет: «Например, некоторые матросы в начале восстания оказались с винтовками в руках не по своей воле. Те, кто первыми начали восстание, были заинтересованы в том, что число их сторонников было как можно большим. – Бей того, у кого нет винтовок! – кричали они».

Вывод Кардашева подтверждают многочисленные факты. Так, матрос Никита Фурсаев, по показаниям очевидцев, бегал около пирамид с винтовками, кричал «ура» и обещал молодым матросам: «Кто не будет брать винтовки, тех будем бить!»

Из показаний матроса Тараса Шестака: «В начале восстания находился в батарейной палубе и видел, как возмущенные матросы разбивали обеденные столы и вооружались. При этом они кричали: “Бери винтовки!”, а тех, кто не брал – били». Водолаз Ф. В. Попруга, машинисты И. П. Шестидесятый, В. П. Кулик и кочегар В. З. Никишкин заставили его (Шестака) взять винтовку. «Я ее взял, а потом обратно поставил в пирамиду».

Фактом является и то, что не хотевших участвовать в мятеже матросов не только избивали. Боевиками Матюшенко демонстративно на глазах всех был убит не пожелавший участвовать в мятеже ученик кочегара матрос Гавриил Шевелев. Другой же ученик кочегара, Сычев, был так напуган стрельбой и угрозами расправы, что прятался от боевиков Матюшенко все дни восстания и был обнаружен только после того, как команда покинула броненосец в Констанце. Как он там выжил, знает только Бог...

Машинный квартирмейстер Афанасий Сербин, к примеру, пытался защищать офицеров-механиков, за что был ударен штыком в голову. А квартирмейстер Резниченко, приставив ему к виску револьвер, заявил: «Мы сами механики теперь!»

А сигнальщики «Потемкина» закрыли собой вход в штурманскую рубку, где укрылся старший штурман корабля капитан Гурин. Туда рвался конопатчик палубы Иван Кобец, один из боевиков Матюшенко, чтобы «прикончить кровопийца». Именно Кобец должен был, согласно изначальным матюшенковским планам, убивать и командира корабля Голикова. Несмотря на угрозы расправы, сигнальщики не отдали озверевшему Кобцу штурмана и тем спасли ему жизнь.

Через несколько часов жизнь Гурина снова висела на волоске, и он остался в живых лишь благодаря заступничеству прапорщика Алексеева. Гурина было приказано довести «Потемкин» до Одессы. Был предупрежден, что если корабль сядет на мель, его тут же расстреляют. Ночью пытался вместе с боцманматом Ф. А. Веденмеером выбросить за борт секретные сигнальные книги и таблицы высот рангоута броненосца, но ему помешали и избили.

По показаниям того же капитана Гурина и прапорщика Алексеева в один из дней мятежа к Алексееву подошел сигнальщик Василий Хитеев и сказал: «Эх, ваше благородие, жалко мне вас. Я себя теперь проклинаяю, что я вам не сказал раньше об этом».

– А ты разве знал раньше? – спросил я его.

– Как же, мы были еще в Севастополе и когда ходили на берег брать высоты, то я хотел сказать вам, что на корабле готовится бунт, но побоялся».

Историк Ю. П. Кардашев пишет: «Различное отношение к восстанию матросов проявилось среди офицеров корабля. Наиболее решительно против “зачинщиков” выступил командный состав: командир корабля, старший офицер, старшие артиллерийский и минный специалисты. Ими были предприняты попытки подавить протест матросов, не останавливаясь даже перед угрозой применения оружия. Все они погибли. Большинство из оставшихся в живых офицеров осуждали восставших, некоторые замкнулись в себе, пытаясь понять истинный смысл произошедших событий, в других возникли симпатии к... матросам. Уже на второй день восстания два офицера и младший врач заявили о своем желании остаться на восставшем корабле. Как показали дальнейшие события, только либерально настроенный поручик А. М. Коваленко искренне примкнул к восставшим и разделил с ними судьбу эмигранта. Другой офицер оказался трусом, младший врач – двурушником».

Что и говорить, офицеры на «Потемкине» тоже были разные, однако большинство из них все же остались верными присяге и воинскому догу.

Глава пятая. Миф о червивом мясе

Уже более ста лет история с червивым мясом считается чуть ли не аксиомой событий 14 июня. Увы, на самом деле все было совсем не так. Никакого червивого мяса на самом деле не было. Якобы некачественный борщ стал всего лишь поводом для готовящегося заранее мятежа. Не было бы мяса, подвернулась бы гнилая капуста или плохие сухофрукты. Заметим, что в начале XX века на Черноморском флоте проблема сохранения мяса существовала. В жару при отсутствии холодильных установок его было очень трудно сохранять, а солонину матросы вообще ненавидели. Проблемы с мясом возникали и до «Потемкина» и после него. Поэтому в летнюю жару при приготовлении еды из свежего мяса придраться к его качеству можно было почти всегда. Холодильная установка на «Потемкине» была, но, судя по всему, ее еще не успели ввести в строй. Вспомним, что корабль еще фактически достраивался, причем в самом авральном порядке.

Обычно пишется, что миноносец был послан в Одессу только за мясом. На самом деле это не совсем так. Миноносец был послан в Одессу за свежим мясом и за зеленью.

Если бы капитан 1-го ранга Голиков действительно не интересовался нуждами команды, то, находясь в отдельном плавании, он мог несколько дней вообще кормить матросов борщом с солониной. Это было, конечно, не слишком вкусно и питательно, но зато бесхлопотно и, что важно, вполне законно, а потому не имело бы для командира никаких последствий. Но командир «Потемкина» был рачительным командиром, а потому решил не только закупить для своих подчиненных свежее мясо, но помимо этого еще и свежей зелени (капуста, лук, чеснок, огурцы), чтобы улучшить и разнообразить матросский стол.

Были проблемы с мясом и в советском военно-морском флоте. Во время моей службы на корабле однажды у нас в море вышла из строя рефрижераторная камера и мы несколько дней были вынуждены есть мясо «с душком». Но офицеров у нас за это почему-то не убивали.

О том, что события 14 июня развивались на «Потемкине» не спонтанно и никакое мясо к ним отношения не имело, проговорились впоследствии в своих воспоминаниях и сами участники событий 14 июня.

«Настроение команды как-то сразу изменилось (после прихода миноносца. – В. Ш.), у нас появилось желание поддержать рабочих», – вспоминал матрос Батеев. Другой участник восстания, комендор Лакий, сообщил, что «было тайное собрание в машинном отделении и было решено, что наступил момент дружно выступить против начальства».

На совещании разгорелась борьба между группой Вакуленчука и сторонниками немедленного восстания во главе с Матюшенко и Бредихиным. Дело дошло до взаимных матерных оскорблений и рукоприкладства. Победили более многочисленные сторонники Вакуленчука: участники тайной сходки решили дожидаться прихода эскадры. Уязвленный Матюшенко все же предложил организовать протест команды против плохого мяса и выяснить, пойдет ли за ними команда или нет. Вакуленчук был против. Вопрос так и остался нерешенным. С этой минуты Матюшенко и его компания уже действовали сами, без оглядки на чьи-либо авторитеты.

О явно провокационной роли Матюшенко в начале мятежа, как и том, что мятеж был заранее спланирован, проговорился в своих воспоминаниях машинный унтер-офицер С. Денисенко: «Во время восстания я был внизу корабля в машинном отделении и видел, что творилось там, когда с верхней палубы раздались свистки строевых унтер-офицеров и боцманов. Созывая всю команду броненосца наверх, “на суд нечестивых”, я вышел туда почти последним. Забравшись наверх, я увидел, что команда не построена в рядах, как того требовала дисциплина, а как-то сбилась в кучу.

Вдруг старший офицер скомандовал:

– Караул наверх! Давай брезент!

Около меня стоял минно-машинный унтер-офицер Афанасий Матюшенко и трясся, как в лихорадке, от охватившего его волнения. Вдруг, обратившись ко мне со словами: “Ну, Степа, зевать тут нечего”, он побежал, крича:

– Давай винтовки, бери винтовки! Бей их, подлецов!

Этого как будто только и ожидали. Часть команды с криком “Давай винтовки”, бросилась разбирать их.

Я заметил, что стоявшие впереди офицеры повернулись в сторону матросов, как будто желая заметить тех, кто кричит. Побежал и я, но не к винтовкам, а в заранее назначенное место – в машинное отделение. За мной туда вбежало еще несколько машинных унтер-офицеров и машинистов... Вдруг один из стоявших здесь машинистов, Шевченко, крикнул: “Дай, пойду, хоть одного офицера убью!” И побежал наверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.